

Роман Злотников

Игорь Гринчевский

АМЕРИКАНЕЦ

Американец

Роман ЗЛОТНИКОВ

Американец

«ЭКСМО»

2015

Злотников Р. В.

Американец / Р. В. Злотников — «ЭКСМО»,
2015 — (Американец)

Представьте, что ваша заветная мечта сбылась. Представили? Но у судьбы бывает странное чувство юмора... Юрий Воронцов, наш современник, либерал и ярый сторонник американского образа жизни, внезапно попадает в «страну мечты». Но не в наше время, а в период «безудержного накопления капитала» – 1895 год. И столкновение с реальностью выходит жестким, местами – жестоким. Возможно ли в ТОЙ Америке выжить, вырвать у судьбы шанс?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роман Злотников, Игорь Гринчевский Американец

© Злотников Р., Гринчевский И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

«Отдайте мне... изгоев, страстно жаждущих свобод»

1

Санкт-Петербург, 21 июня 2013 года, пятница, вечер

Дверь хлопнула глухо. Алексей раздраженно открыл ее снова и попытался хлопнуть изо всех сил. Увы, но удар снова вышел глухим. Солидная столетняя дверь из дуба закрывалась тяжело, но гулко-го удара, способного выплеснуть раздражение, все равно отчего-то не получилось. Дедова квартира как будто отторгала настроение Алексея, не пуская в себя ни капли мелкого и суетного.

Чертыхаясь про себя, Алексей пошел в глубь квартиры, на ходу сбрасывая туфли. Нервное, мутное раздражение не отпускало, не давая взять верх привычной аккуратности. Первая пуговица пиджака расстегнулась легко, однако вторая упорно сопротивлялась. Алексей почти уже решил вырвать ее с мясом, однако к этому моменту он наконец добрался до зала, что и спасло любимый пиджак от надругательства.

Если вся квартира была пропитана дедом, то здесь, в зале, все было куда древнее. Здесь уже более века царил дух легендарного Американца, основателя рода Воронцовых. Именно он в свое время купил и обставил эту квартиру. По сложившейся в роду традиции она передавалась по наследству, всегда старшему отпрыску по мужской линии, и тот обставлял ее в соответствии со своими вкусами. Дед был уже третьим владельцем, со временем и Алексею предстояло владеть ею. Нередко он рисовал себе, как изменит здесь все, но зала... Залу он представить иной не мог. Она, казалось, диктовала, как вести себя, нашептывала что-то такое, что выходит за пределы индивидуального и формирует ту загадочную сущность, что называют «родовые черты». В зале казалось невозможным бросать одежду, в зале невозможно было даже представить многое из того, что он делал, думал и говорил в течение недолгого пути от Зимнего до Миллионной.

Алексей повесил пиджак в шкаф, вернулся к центру зала и мрачно покосился на накрытый стол. Шампанское, фрукты, сыр, свечи... Ничего не пришлось бы говорить, набор все сам сказал бы Лене. «Эх, Лена, Леночка... – вздохнул он, – все так хорошо начиналось...»

Все еще находясь под магическим действием зала, затем пошел обратно к двери, подбирая брошенные вещи и аккуратно размещая их на положенные места. Затем вернулся в залу, налил из бара немного коньяку, неторопливо выпил, нервно пригладил волосы, затем, словно набираясь мужества, глянул в зеркало. В отличие от большинства сверстников внешностью своей он обычно был доволен. Предок оставил роду не только характер, но и правильные черты лица, широкие плечи, крепкую фигуру, уверенный взгляд, словом, то, что позволяло надеяться на успех у женщин. Однако сегодня этого оказалось недостаточно. От этой мысли сердце снова защемило, и захотелось немного добавить.

Тем не менее вместо бутылки Алексей взял в руки мобильник. Нажатие пары кнопок, «быстрый вызов», и через пару мгновений в трубке раздались гудки. Два, три, пять, семь... Абонент не спешил отвечать. Алексей пал духом и почти уже дал отбой вызову, когда из микрофона раздался немного раздраженный и сильно удивленный старческий голос:

– Леша? Случилось что? Отдавая тебе ключи от квартиры, я никак не ждал, что вечером ты выберешь время пообщаться со стариком... Что произошло?

– Деда... – голос сорвался, – дед... Мы с Леной поругались...

¹ Название главы, как и остальных глав данной книги, – это часть литературного перевода надписи на статуе Свободы. Надпись сделана по сонету Эммы Лазарус «Новый колосс» (здесь и далее – прим. авторов).

– Скоро буду!

Дед, как всегда, решения принимал быстро и говорил твердо. Ни секундной заминки, хотя Алексей точно знал, что у деда не могло не быть своих планов.

Не прошло и четверти часа, как массивная дверь глухо бумкнула, из прихожей раздалась возня, и через пару минут в залу решительным шагом вошел дед. Окинул так и не убранный стол цепким взглядом, затем посмотрел на внука.

– Рассказывай!

– А что рассказывать? Начало ты и сам видел. Встретились с утра, да и пошли в Зимний. На юбилей. Четырехсотлетие династии, все торжественно...

– Ну да, но там, как я видел, у вас было все в порядке?

– Было. Лена, хоть и считает, что монархия – пережиток старины, но сам факт, что она приглашена на мероприятие такого уровня, ей льстил.

Санкт-Петербург, 21 июня 2013 года, пятница, середина дня

Да, Лене льстило, что она попала в число избранных. Именно избранных. Здесь, в Георгиевском зале Зимнего дворца, были, конечно, и те, кого пригласили «для мебели», представители бессмысленно-длинных, как она считала, аристократических родов, приглашенных только «за породистость». Но куда больше было военных, ученых, политиков и деятелей культуры, пробившихся самостоятельно. Хотя... вот дед Юры, он, хоть и «из рода», но сам заслуг имеет побольше многих... Да и Юра... У Лены мелькнула мысль, что, возможно, есть здесь и еще аристократы, которых пригласили за свои заслуги, но додумывать ее она не стала. Позже, позже... Пока же она впитывала атмосферу, почти не обращая внимание на речи.

Впрочем, для премьеры она сделала исключение. Этот невысокий мужчина с невыразительным лицом тем не менее стоял у кормила власти уже около полутора десятков лет. И все это время, стоило ему начать говорить, все присутствующие невольно вслушивались. Была в нем какая-то магия личности.

Потом было шоу, награждение за различные заслуги, специально приуроченное к юбилею правящей династии, и наконец – банкет. Нет, настолько большого зала, чтобы накрыть в нем столы для всех участников мероприятия, в Зимнем просто не было. Банкет состоялся в огромном плавучем ресторане, пришвартованном по такому случаю рядом с Зимним. Залы в нем были разной вместимости, но все декорированы по тематике «История и достижения России». Их паре досталось место в небольшом зале, посвященном исследованию Луны.

Между переменах блюд все и началось. С совершенно невинного вопроса Лены:

– А тот седой богатырь, которого награждали за успехи в разработке роботов-планетоходов, это ведь был твой дед?

Алексей отделался кивком. Лена, сделав несколько глотков шампанского, продолжила:

– Слушай, а твой дед... его заслуги и правда заслуживают этой награды? Или ваш род награждают просто «по совокупности заслуг»? Учитывая Американца?

На такие вопросы отвечал Алексей не впервые, так что долго думать над ответом не пришлось:

– Дед у меня не даром зам по науке в «Роскомосе». Сейчас он, ты права, больше администратор. Как и все последние десять лет. Но наградили его не за «руководство коллективом, разработавшим...» и т. п. Но и за то, что в основе робота, «разработанного коллективом», лежат те алгоритмы, которые он сам придумал. То есть его коллектив его же идеи и довел. Так тоже бывает... И вообще, звание членкора он заслужил сполна. Кроме роботов у него есть много всего... Одна из принятых в настоящее время физических моделей Солнца им предложена, он же и модель накопления гелия-3 в лунном реголите делал, причем пока что она изысканиями подтверждается, предсказание на ее основе коммерчески интересных мест для

добычи... – Алексей замолк, недоговорив. Достижения деда он чтит, но сейчас это звучало, как хвастовство. Да и не о том он хотел говорить с Леной. Но та не унималась:

– Все так, но ведь как ученый он больше отметился в Штатах, а не у нас, верно? Отчего же награждают его в России? Здесь он что-то заслужил? – и, не дав собеседнику вставить слово, рубанула:

– Правильно мама говорит, в вашей семье все на Америке повернутые, ей и служат. А отсюда только деньги качают... Один ты у меня нормальный!

Это ее небрежное «у меня» заставило Алексея растаять, и почти примирило со всем остальным, но красавица отпустила еще одну шпильку:

– Впрочем, ты еще пока телок, а заматереешь, может, тоже по стопам Американца пойдешь.

– Что ты имеешь в виду? – медленно закипая, спросил он, – мои предки даже за границей России служили, и в науке, и в военном деле... и богатства, Американцем сколоченные, тоже в России остались, и для ее блага служили.

– То-то они, что ни поколение – удваиваются! – снова не удержалась Лена.

– Дура!

На громкий выкрик, казалось, обернулся весь зал. Но Алексей, не замечая недоуменных взглядов, выскочил из зала. Обида и непонимание душили его...

Санкт-Петербург, 21 июня 2013 года, пятница, поздний вечер

– Да, мой мальчик, не додумал ты... Да, именно ты, и не смотри на меня так! Как деда из квартиры выдворять да романтический ужин организовывать, так тут ты все до мелочей спланировал. И приглашения меня заставил на двоих раздобыть, хотя и тебе не по заслугам, род уважили... А уж про нее и речи нет. Но кто тебе сказал, что потом ты в сказку попал? И что можешь прекращать думать?

– Да я...

– Знаю я, что «да ты...» Вижу ясно!

Алексей понурился...

– Почему ты разговор не продумал? Нравится она тебе? Предложение хотел делать? Так тем более! Не надо было млеть возле своей зазнобы и позволять ей вести разговор. Она кто? Филфак, третий курс... Да это, если хочешь знать, детство еще! Жизни не знают, дисциплины мышления никакой, что в Сети прочли, то их мнением и будет! Прочла она сегодня с утра, что праздник этот – пустая трата средств, что олигархи нынешние давно в «америках» да «лондонах» живут, а отсюда лишь деньги да ресурсы тянут, вот это, прочтенное, ее мнением и стало. И об этом она и заговорила. А тебя это по больному ударило. По больному, да, Леша?

Тот снова только удрученно кивнул. Дед редко устраивал ему разносы, но уж если это случилось, то возразить обычно было нечего. Прав, во всем прав.

– А подумал бы ты, построил бы беседу сам, было бы тебе о чем рассказать. К примеру, про виртуальную реальность, что в Звездном еще только отлаживают, а ты попробовал уже. Про проект туризма космического ей узнать пока неоткуда, а ты мог бы порассказать... Да и помечтать, невзначай, как на орбиту вместе слетаете. Внешности ее польстил бы, сказал, что ты на ее фоне теряешься, это они все любят... А уж сегодня это и совсем правдой было. Расстаралась она для тебя. Такая красotka, что была бы она не твоя девушка, а чужая, отбил бы я ее. Стройная, высокая, глаза дерзкие... Нам, Воронцовым, такие всегда нравились...

Так вот, раз она с тобой пошла, да еще расстаралась так, то ругаться и не думала. И в том, что вы все же поругались, вина только твоя. А отсюда следует что?

– Что? – послушно переспросил внук.

– Что завтра ты с букетом должен к ней поехать, да прощение вымаливать, ясно?

– А вдруг?..

– А чтобы не было этого «вдруг», ты ошибку сегодняшнюю повторять не должен. И готов ко всему. И в первую очередь – признавать неправоту свою, да ею восхищаться! Понял?

– Понял, деда...

– Ну а раз ясно тебе, то и я пойду. Планы у меня были, и менять их, получается, незачем...

Тут Иван Михайлович снова остановился, подумал о чем-то... Помедлил... Задумчиво побарабанил по столешнице... Еще подумал... Было видно, что решиться ему трудно. Впрочем, заминка длилась недолго, старому ученому нерешительность была свойственна не больше, чем трусость гренадерам.

– И еще вот что... Ты небось еще и потому на нее обиделся, что родом своим гордишься. Да не зыркай на меня, не сомневаюсь я, гордишься. Только вот...

Тут он пошагал в дальний угол, открыл фальш-панель, прикрывающую дверцу сейфа, потом, заслонив ее телом, набрал код, достал что-то и тщательно закрыл сейф обратно.

– Пригодится тебе. Почитай. Спать сейчас все равно не сможешь, так что почитай и поразмысли над прочитанным. Сам поразмысли! Написанное тут только для членов рода, не для всех... Ты вот небось думаешь, что Американцем предка прозвали за то, что он там вырос? Верно, и поэтому тоже. Но – не только. Есть в словах твоей Ленки и своя правда. Предок наш, понимаешь ли, все мечтал в Америке жить, бредил ею, вольностями ее да прогрессом...

– Да как же?..

– Не перебивай, мал еще! – прикрикнул дед, – Раз говорю, то знаю! Языком трепать не приучен... А прочтешь, и ты будешь знать! Тут не что-нибудь, тут Американца мемуары. С выдержками из дневника вперемежку... Для иллюстрации. Писал сам, почерк его, не сомневайся... Да и тетрадку эту у него сам, своими глазами видел. И как писал он в нее – тоже видел. Так сомнения прочь гони, настоящая она....

Дед снова замолчал. При его решительности и нетерпимости к неоправданным паузам это говорило о многом.

– Так вот, она – настоящая. И писал он нам, своим потомкам, чтобы мы силу и гордость свою не на лжи основывали. Как было, так и писал. Это нам с тобой уважать надо. Мог ведь и приврать, мог просто промолчать, красивого вранья о нем и так сочинили немало... Хотя и наветов – не меньше. Ну да не о том речь... Я тебе дневник этот почему именно сейчас даю? Чтобы, когда ты с Леной, зазновой своей, мириться пойдешь, ты правду знал. Не ей пересказал, но – знал для себя. И чтобы гордость твоя за род, за Американца, сколько ее у тебя ни останется после этого, на правде построена была. В правде, Лешка, и есть настоящая сила. На ней можно и жизнь выстроить, и семью. А на лжи, какой бы приятной она ни была, как бы красиво ни смотрелась, не выйдет. Так что, на, читай!

С этими словами Иван Михайлович положил тетрадь перед внуком, повернулся и твердым шагом вышел из квартиры. В двери он обернулся:

– Да, и еще, Леш! Ты это, не слишком зачитывайся... Тебе завтра еще мириться предстоит. Должен быть свеж, бодр и гладко выбрит!

Тут дед как-то лукаво подмигнул, отсалютовал на прощание рукой и вышел. Алексей же, не торопясь начинать чтение, прошел на кухню. Тетрадь выглядела толстой, заполнена была почти до самого конца, так что чтение обещало быть долгим. Значит, тарелка с бутербродами и чай лишними не будут.

Не затягивая, наделал самых простых бутербродов, с сыром и колбасой, заварил черного чая и вернулся к столу. Раз дед считает, что нужно прочесть, прочтем. Если в чем Алексей и убеждался раз за разом, так это в том, что его дед жизнь понимает куда лучше. Итак, что там поведал предок? Алексей решительно открыл тетрадь и стал читать.

«Зовут меня Юрий Воронцов, и хотя я известен как автор нескольких фантастических рассказов, то, что я напишу дальше, самая, что ни на есть чистая правда. Родился я в 1976 году...»

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Зовут меня Юрий Воронцов, и хотя я известен как автор нескольких фантастических рассказов, то, что я напишу дальше, самая, что ни на есть, чистая правда. Родился я в 1976 году в Молдавии, там же и вырос. Семья была счастливая, хотя это и странно, учитывая, что отец – из детдомовцев, а мать – из неполной семьи. Причем не просто семья у нее неполная, так еще и ее мать, а моя бабушка – тоже из детского дома, как и мой отец. По всем теориям семейного строительства, по всем прикидкам семейных психологов, семья наша должна была развалиться, отец запить, а я – вырасти троечником, от беспризорника отличающимся только тем, что родители в свидетельстве вписаны, да еще тем, что кормили бы чем-то домашним.

Не знаю, может, именно от страха такого исхода, но родители мои тряслись над семьей, как над драгоценной вазой, оберегали ее и друг друга, так что семейных скандалов я почти и не вспомню... Споры – те да, были. В основном на тему, кем я стану, когда вырасту. Родители у меня были самые настоящие фанаты своего дела. Отец – энергетик, мать – преподаватель химии. По моему, хоть и квалифицированному, но все же пристрастному мнению, она входила в пятерку лучших преподавателей химии в республике. Каждый из них мечтал, чтобы я, единственный их сын, пошел именно по его стопам, так что агитацию вели активно. И ревниво. Даже в школу меня отдали пораньше, еще в шесть лет. Учиться мне нравилось, так что я длительное время успешно уклонялся от окончательного выбора, равно преуспевая и в химии, и в физике, и в математике... Да и на прочие предметы тоже хватало...

Так что трудно сказать, кто бы из них победил, однако олимпиад по энергетике, увы, не проводят, а по химии – пожалуйста. И после того как я в седьмом классе выиграл на районной химической олимпиаде и стал готовиться к республиканской, а затем и к союзной, чаша весов медленно, но верно стала склоняться в сторону матери...»

Лесополоса неподалеку от Кишинева, 30 апреля 1986 года, среда

Праздник удался. Удался на все сто процентов. Родители ушли с работы еще в обед, по быстрому заскочили домой, захватили ведро с маринованным мясом и меня и поехали к окраине. У вокзала пересели на другой автобус и долгие полчаса мотылялись по Мунчештской²... Я еще удивился, всего-то одну улицу проехать, а такая длинная. Остановка называлась «Мунчештская, 812». Неужели бывает на одной улице столько домов? И зачем?

Но потом было весело. Шли в гору не просто так, а напевая. На остановке их ждал Леха-десантник. По жаркой погоде он снял с себя все, оставшись в одной десантной тельняшке. Леха решительно отобрал у родителей ведро, запихнул его в рюкзак, а рюкзак взвалил на плечи. На вопрос: «Не тяжело ли одному?» – буркнул: «За речкой и не такое тягали!»

Я уже знал, что «за речкой» это не за Днестром, это Леха так Афганистан называет. Леха там служил. Правда, рассказывать он про это не очень любит. Зато я много читал в газетах. Как наши школы в Афганистане открывают, электростанции строят и помогают воевать с тамошними капиталистами и их наемниками-душманами. А десантников там простые афганцы называют «шурави», что значит друг.

² Одна из самых длинных улиц Кишинева.

Шли весело. Несмотря на тяжелый рюкзак и крутоватый путь вверх по склону, Леха задал такой темп, что мне и маме иногда приходилось переходить на бег. А Лехе все трын-трава, он еще и анекдоты травил.

Когда пришли, отец отошел в сторону, кулинарить. Над шашлыком он всегда священно действовал – дрова подбирал, тщательно сортируя, потом пережигал их на угли, сам нанизывал мясо на шампуры, сам и жарил, время от времени поворачивая, и то раздувая угли, то давая им стать тускло-багровыми... Впрочем, результат оправдывал все затраченные усилия. Мясо трещало за ушами, и все съедали по два, а то и по три шампура, даже Маринка-практикантка с маминой работы, которая все остальное время тряслась над своей фигурой и соблюдала таинственную «диету».

Впрочем, сейчас ей, похоже, не до мяса. Она сидела у костра и слушала Леху. А Леха, непонятно с чего, вдруг изменил своей обычной сдержанности. То песни пел какие-то незнакомые, про чужие горы... то байки травил. Я, само собой, присел поближе и слушал, открыв рот. У этого разговорчивого Лехи получалась какая-то странная война. Странная, но... Манящая. Горы. Чужие, странные люди. Незнакомые слова. «Духи». «Зеленка». «Мангруппа». «Вертушка». Не сразу и поймешь, что к чему, но перебивать не хотелось. Хоть было и не все понятно.

И сразу было ясно, что Леха – настоящий герой. И молчал он от скромности. А сейчас вот открылся. Эх, если б еще Маринка куда-то свалила. А то все: «Ой, Леша, спой лучше... Ну и что, что «ваши» песни закончились? Ты Высоцкого спой. Или Визбора... Знаешь? Вот!» И подпевала: «Ми-ла-я моя, сол-ныш-ко лес-но-ее...» Эх-х, ну и дура! Можно подумать, про солнышко кто другой спеть не может! А тут герой под боком, с настоящей войны. Даже американского разведчика почти поймал...

Впрочем, может, и хорошо, что Леха перешел на Визбора и Высоцкого. Потому что тут как раз меня подозвала мама и отправила встречать тетю Люду. «Видишь, рюкзак у нее тяжелый, и идти вверх трудно! Вот и встреть, помоги...» Хорош бы я был, если бы в это время Леха о войне рассказывал. А Визбора пропустить не так жалко, его песни я уже не раз слышал...

Впрочем, когда я дотащил рюкзак тети Люды к костру (та и не подумала помочь или поблагодарить, побежала вперед, прилипла к маминому уху и начала что-то жарко шептать... Опять свои любимые сплетни небось) Леха уже закончил с песнями и читал какой-то стих. Незнакомый. Про поручика, который где-то на краю земли с маленьким гарнизоном. И про его гордый ответ адмиралу: «Нет, я не подпишу твоей бумаги! Так и скажи Виктории своей...»³

Эти слова легли мне в самую душу. Так им! Так и надо отвечать! Пусть у них целая эскадра, пусть! А все равно – «русские не сдаются!»

И тут сбоку диссонансом вполз противный шепот тети Люды. Разобрать удавалось не все, только обрывки: «Да, говорят, в Чернобыле реактор взорвался... Да, «Голос Америки» сказал... Ну да, хуже атомной бомбы... Говорят, шведы панику подняли... Нет, наши-то молчат... А американцы говорят, что радиация такая, что ночью над Киевом аж небо светится...». Тут я даже отвлекся от Лехи. Про Чернобыльскую АЭС мне рассказывали, там однокурсник отца работал. Передовая станция, на ней всегда эксперименты ставили. Надежная, наверное. Что ж она врет-то? Ну, сейчас мама ей... Мама моих ожиданий не подвела. Твердым голосом прервала сплетницу, и сказала: «Постой, Люда, это сейчас не главное!» И отошла к папе. А что? И правильно! Папа-то про станцию куда больше знает. И уж точно объяснит врушке, кого надо слушать, а кого не стоит. Впрочем, папа, судя по реакции, не очень-то хотел ради какой-то балаболки отрываться от шашлыка, который как раз «дозревал»... «А что? – рассудил я про

³ На всякий случай уточняем – речь идет о стихотворении Константина Симонова «Поручик». Авторы знают, что в действительности во время Крымской войны там командовал вовсе не поручик. И в гарнизоне была вовсе не «сотня егерей». Но все же стих берет за душу!

себя, – тоже верно! Сплетни и глупости эта тетя Люда каждую неделю приносит. А шашлык – он раз-другой в год случается. И портить его не следует.

Кажется, маме это не понравилось. Она начала, что случалось редко, что-то выговаривать папе злым, даже отсюда слышно, голосом. Послушав пару минут, папа сдался. Подозвал Бориса Львовича, второго заядлого «шашлычника» компании, и буквально навязал тому готовку. Потом отошел к остальным взрослым. Хм, странно... Не собрание же против «злой антисоветчицы» папа устроить собрался?

А дальше было совсем странно. Разговор у взрослых был, сразу видно, коротким. И обескураживающим для всех. А затем родители, наскоро со всеми попрощавшись и так и не попробовав шашлык, поволокли меня обратно домой. Впрочем, домой мы поехали с мамой, папа отстал. А мама по приезде домой начала срочно обзванивать свое начальство и нашего завуча.

Затем были короткие, нелепые, суматошные сборы. И уже через час мы ехали в аэропорт. Каким-то чудом папа достал три билета до Москвы. Из Москвы на поезде уехали к бабушке в Карелию. В голове у меня все просто звенело от непонимания. Зачем? Куда бежим? Была бы радиация, так объявили бы! Неужели они поверили этой врушке? И «Голосу Америки»? Да там же враги, неужели неясно! Леха против них в Афгане воевал, шпиона ихнего ловил...

Впрочем... Дней через пять после приезда все лениво, нехотя, заговорили про аварию. Мол, да, была. Был пожар. И четвертый энергоблок отключен. Погибло два человека. И это «грузило» меня еще сильнее. Неужели «два человека погибло» – стоило того, чтобы панически, нелепо как-то бежать через всю страну?

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Надо сказать, что именно это был первый случай, когда я понял, что не всегда наша страна права. И не всегда американцы врут. Вернувшись домой, я узнал, что Леху усадили на «ликвидацию последствий аварии». И слова новые появились. «Ликвидатор» и «сталкер». Ликвидатор – так всех, призванных в Чернобыль называли. А сталкер – это вроде как у Стругацких, только Зона – в Чернобыле. Леха, вернувшись, долго этих самых сталкеров материл. Ему их там пришлось гонять от поселка. И радиацию, ими вынесенную, замерять. Вообще, про горы у него не слышно стало. Зато появились про мутантов. Про двухголовых зайцев и лопухи выше человеческого роста. А еще он часто стал пить. А в декабре 1986 он неожиданно слег. Рак. От Чернобыля. И уже в следующем марте мы его хоронили. Маринка все плакала. Тихо так, жалобно... Когда вернулись с кладбища, отец, что бывало редко, напился. Да и мама выпила. А я... Я достал радио и настроил «Голос Америки».

Кишинев, Молдавская ССР, 12 апреля 1988 года, вторник

– Юрка, догоняй, давай! – заорал Серега и побежал через перекресток, не оглядываясь. Приятель догонит, куда денется... А вот мест в видеосалоне может и не хватить. До сеанса всего 15 минут. И пофиг, что день рабочий, а времени только пять. Все равно на такое чудо народ набивается. Даже рубля за вход не жалеют. Эх...

Впрочем, мы давно решили, что День космонавтики отметят именно первым походом в «видик». Слово чудное, но прижилось быстро. А сегодня в пять как раз и фильм космический. «Звездные войны». Про будущее, конечно.

Завидев впереди группку студентов, человек в десять-двенадцать, Серега побежал сломя голову. Если этих не обогнать, мест может и не остаться. Уф-ф-ф успел...

– Мне два! – выкрикнул он, протягивая дядьке на входе два «олимпийских» рубля. Взял из коллекции. Все равно серьезно собирать не выходило, а так – на нужное дело уйдут.

Я появился минут через пять. Принеся в качестве извинения пару эскимо и шоколадок «Аленка». И то верно. Поесть не успели, и желудок начало сводить.

Тут свет погас, и из динамиков донеслись хриплое рычание льва и гнусавый до невозможности голос произнес:

– Киностудия «Метро-Голдвин-Майер» представляет...

Это был бонус. Если зал набивался заранее, фильм все равно начинали по графику. Но зрителей могли развлечь, показав пять-семь минут диснеевских мультиков. Пока шли мультики, Серега торопливо жевал мороженое. Говорят, потом, во время фильма, можно и забыть...

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...видеосалоны, появившиеся у нас с весны 1988 года, резко «приблизили» загадочную Америку для многих советских людей. Даже те, кто считал их врагами, все равно бегали посмотреть забавные мультики про кота Тома и мышонка Джерри, романтическую фантастическую комедию «Короткое замыкание», или брутального Шварценеггера. Другие ломились на «Звездные войны», «Полицейскую академию» или на трюки Брюса Ли и Джеки Чана. Видеосалоны захватывали. Но стоили они недешево, и мне пришлось искать способы зарабатывать.

Я смотрел и смотрел их... Теряясь в мире голливудских фантазий. И выпадая порой из мира реального. Поневоле сравнивал их с нашими «боевиками». И закрадывалась мысль: «А наши-то только муть всякую гнать способны».

Кишинев, Молдавская ССР, 17 июля 1989 года, понедельник

Серега воровато огляделся по сторонам. Нет, показалось. За те две-три минуты, что он загляделся на работу Юрки Воронцова, никто не появился. И это хорошо, потому что иначе у любого, даже самого невнимательного, прохожего действия мальчишек вызвали бы вопросы. Нет, ну, в самом деле, кто поверит, что они возятся с этим железным ящиком не просто так, не имея в виду ничего плохого? Идея была его, Сереги. Они на днях фильм про Бони и Клайда посмотрели, ну и захотелось ему поиграть в американских гангстеров, взрывающих сейф. Сам же и нашел этот железный ящик на пустыре. Не сейф, конечно, замка не было... Для красоты и форсу они навесили амбарный замок, который Серега нашел у бабушки в сарае. Внутри положили кучу резаной бумаги с надписями «100\$», все в пачках, перетянутых резинками для бигуди. Юрка настоял. Сказал, что хочет проверить, останутся ли бумажки после взрыва целы или пострадают от взрыва.

Юрка он такой. Свой парень, конечно, но какой-то не от мира сего. Даже и играть не хотел. Пока Серега не произнес волшебное слово «американских». Все! Дальше Юрка и загорелся. На Америке у него «пунктик» с недавних пор. Но и играет он как-то... Не как все. По поведению – классический «очкарик-зубрилка». И игру в эксперимент превратит! Экспериментатор, маму его... звать по имени-отчеству. А как в футбол погонять или там, на соседний район идти, мстить за то, что они Сашку Рыжего побили, так нет. «Не пойду!» – сказал, – глупо это! Пусть Сашка тех пацанов найдет, мы их потом подловим и отомстим именно обидчикам, а не первым встречным с района...» У-у-у, умник! И ведь не объяснишь ему, что мстить надо именно так, всем. Чтобы по всему городу потом закаялись пацанов со Старой Почты трогать!

Тут Серега спохватился и снова огляделся по сторонам. Никого не было. И ведь самого Юрку тогда чуть не побили за такие слова. Хорошо, Серега там был, вступился. Юрку бить не надо, от него пользы немало. Фантастику перескажет, которую самому читать лень. Или

те рассказы про Холмса с Ватсоном, что в фильмах не попали. Или вот как сейчас... Игру-то придумал он, Серега, но разве он сам смог бы сделать динамит? Юрка, правда, настаивал, что никакой это не динамит, а «киса»⁴, но «динамит» звучит лучше. Благороднее.

А Юрка не только динамит приготовил, но и взрыватель, и сам прикинул форму заряда так, чтобы «сейф» взорвался, а «деньги» не пострадали. Клевое выйдет приключение. Хвататься потом не один год можно будет. И не забыть сказать, что сам придумал, сам сейф нашел. Да еще приврать, что в сейфе том деньги настоящие нашлись. Немного. Рубля три...

– Атас! – оторвал Серегу от мечтаний крик уже бежавшего прочь Юрки. – Ща взорвется!! В укрытие!!!

До бетонной будки, за которой они укрылись, было всего метров десять, а взрыватель рассчитан на пятнадцать секунд, так что можно было и не торопиться, но Юрка трижды предупредил, что взрыватели иногда и раньше срабатывают, потому бежать надо со всех ног, а лучше, добежав, еще и залечь. А то мало ли...

Добежав до укрытия и повалившись на землю, Серега стал ждать взрыва, но того все не было. Он уже начал открывать рот (о предупреждении Юрки, что взрыва лучше с открытым ртом и ждать, он от волнения забыл), когда донесся странный, ахающий звук. Удивительно негромкий и с каким-то взвизгивающим окончанием...

– Чего лежишь? – напряженным голосом спросил Серегу приятель. – Кончилось уже все! Вставай, пошли смотреть.

Подождав, пока Серега встанет и присоединится, Юрка уже в третий раз глянул на секундомер и похвастался:

– Кстати, взрыватель сработал нормально. Четыре десятые секунды отклонения всего! Так что все у меня в порядке. Не то что у...

Тут они как раз дошли до железного шкафа, возведенного в ранг сейфа, и он потрясенно замолчал. Вместо того чтобы аккуратно перебить дужку замка, взрыв буквально разворотил шкаф. Навесной замок исчез неизвестно куда, в дверце зияла неровная вмятина величиной с ладонь, задняя стенка и внутренности шкафа были посечены осколками. Впрочем, бумага, лежавшая на дне шкафа, почти не пострадала. Юрка криво усмехнулся и, повернувшись к Сереге, сказал:

– Да, над зарядом нам еще работать и работать... Но «добыча» уцелела. Предлагаю отметить!

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Химия захватила все мое время. Олимпиады, синтезы, кружок юного пиротехника. Жизнь была увлекательна и прекрасна, на последних летних каникулах я впервые влюбился...»

Кишинев, Молдавская ССР, начало августа 1991 года

Купаться мы пошли на Чевкарское озеро. А что? Очень удобно! С одной стороны, тут же, на Старой Почте, идти всего полчаса, а с другой – если отойти от пляжа метров на сто, то никто нас и не увидит. И не обратит внимания, что компания из четырех парней и двух девушек «по-взрослому» иногда прикладывается к пивку. К тому же в тени деревьев не так уж и достаёт августовское пекло. Угощал сегодня я. Проставиться я обещал давно, еще с весны, когда занял третье место аж на союзной олимпиаде по химии, да вот все случая не выпадало.

⁴ «Кисой» на жаргоне юных пиротехников называли триперекись ацетона, одну из самых простых в синтезе взрывчаток. Только вот жутко нестойких. Так что юные пиротехники в результате часто ходили без пальцев.

Зато, и это могли оценить все, проставился я по высшему разряду. Сгонял в Одессу и прикупил у фирмачей упаковку баночного «Туборга». Так что каждому по банке. И пара непечатых пачек «Мальборо».

– Хорошо сидим! – задумчиво произнес Серега, отхлебнув еще пивка.

Сидели действительно хорошо. Я напихал в сумку еще и запаянных пакетов со льдом, так что пиво было ледяным, и в такую погоду принималось организмом с особенной охотой. Даже Вера с Юлькой пили, хотя Юлька вроде не особая охотница.

– И правда хорошо! – поддержал его Генка. – Только вот откуда у тебя, my dear friend⁵ Юрий, такие деньги? Цены я знаю, «Мальборо»-то натуральный, американский, тут по червонцу за пачку, а то и за пятнашку, партия-то мелкая... Да и «Туборг» в банках – тоже по червонцу. А то и по двенадцать. Итого имеем сколько? Правильно, от семидесяти рублей до столыника. Ты столько за всю жизнь не заработал! Так откуда бабки? Предки расщедрились, что ли?

Тут я подумал, что вместо хорошей посиделки события могут дойти до драки. Очень уж Генку задевает то, что я в последнее время на Юлю по-особому смотрю. К счастью, Серега поспешил вмешаться:

– Это ты, Гена-крокодил, столько не заработал. А Юрок наш – как раз наоборот!

– И на чем это, интересно? Химией своей бесполезной, что ли?

– Ну, для нас с тобой, она, может, и бесполезная, а Юрок на ней бабло поднял. Грузину какому-то с рынка эссенцию сварил. А тот дыни свои этой жидкостью обрызгал, они пахнуть начали. Ну и продаваться, само собой. Ну и с Юрком нашим головастым, поделиться не забыл. Так что у Юрка все честно!

Юля отставила банку с пивом и как-то задумчиво посмотрела на меня. От этого взгляда у меня все внутри перевернулось и почему-то зануло в паху. Но я постарался не подавать вида и вступил в беседу:

– Я просто с Америки беру пример. Там тинейджеры... – это недавно вычитанное название подростков я произнес, выделяя голосом, как и все, что относилось к Америке, – в каникулы сами зарабатывают. Чтобы на кино хватило и девушку в кафе сводить... Придет время, у нас все так делать станут. Ну а я сейчас уже начал!

Тут я для большей солидности сказанного сделал паузу, в точности как отец, прикурил сигарету и выпустил дым через ноздри. В исполнении героев американских боевиков это всегда выглядело очень круто. Но, наверное, из-за отсутствия практики, все мои усилия ушли на то, чтобы не закашляться.

– Ну, раз ты такой поклонник Штатов, то курить не должен! – снова «подколол» меня Генка, – всем известно, они сейчас за здоровый образ жизни!

Выпад был неожиданным, и я промолчал.

– А молодцы американцы! Мне, кстати, больше нравится, когда парни не курят! – высказалась Юля.

Я помолчал, взвешивая решение, а потом вынул сигарету изо рта, забычковал ее и решительно сказал:

– А я брошу! Вот эта сигарета – последняя! Мое слово вы знаете!

Юля, до того сидевшая напротив меня, встала и пересела совсем рядом.

– Нам, некурящим, надо держаться рядом! – с улыбкой пояснила она.

⁵ «Мой дорогой друг» (англ.).

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...С этой влюбленностью я почти не заметил путч, случившийся в августе 1991 года. Тем более что он был быстро подавлен, и позиция политиков, лояльных к Западу, резко укрепились, так что я не видел поводов для волнений. Да и другая жизнь началась. Я стал готовиться к поступлению в университет. В Московский, конечно же. Так что в моей жизни количество учебы только увеличилось и появились новые учебники...»

Кишинев, Молдавия (уже объявившая независимость, но все еще в составе СССР), 1 сентября 1991 года, воскресенье

Смешно, но даже в воскресенье наша школа решила выпендриться, и День знаний провели все равно 1 сентября. Собрались, нас всех поздравили... Приперся какой-то «независимый», толкавший речь на молдавском. Поняли его немногие. Было видно, что даже те, для кого молдавский был родным, терялись среди его закрученных пассажей. Тем не менее, памятуя, что путчу они не поддались⁶, шуметь никто не стал. Да и закончил он быстро, минуты через две. По окончании линейки нас мариновать тоже не стали. Провели в класс, продиктовали расписание на первые два учебных дня и сообщили, что форма теперь необязательна, потому как свобода наступила и тоталитаризм прогнали.

А вот дома меня ждал сюрприз. Мама с папой, какие-то торжественные, ждали меня за столом.

– Ты сядь, Юрочка, и успокойся! – сказала мама, и нервным, дерганым жестом провела по подолу юбки. Хм... Тут и буддист занервничает. Что за сюрпризы-то? Братика они мне сделали, что ли?

– Садись, садись, и на вот, водички выпей! – бодро поддержал ее папа.

Да, похоже, придется пить. Причем медленно, чтобы они успокоились. Пока Юра пил, мама с папой вышли в свою спальню и вынесли оттуда небольшой сверток. Так, похоже, братика не будет. Что тогда?

– Ты уже большой, пора тебе, сына, решать, чем заниматься станешь! – продолжила мама.

– Так я и решил. Химфак МГУ, что тут еще думать?

Папа при этих словах посмурнел. Да, похоже, хоть и два года прошло, как я окончательно определился, его это все еще «цепляет». Я уже понял, что по-настоящему расстраивали его всего две вещи: то, что других детей у них с мамой не вышло, да то, что я химию предпочел... И чего они приемыша не взяли? Пустили бы одного в энергетику, второго – на химию. И не парились, да?

– Вот и славно. Но к нему еще готовиться надо!

– Я и готовлюсь, вы знаете!

– Знаем! – решительно вступил в беседу папа. – И решили тебе еще помочь. Учебники хорошие прикупили. Тут он отобрал у мамы сверток. Развернул его, и протянул мне пару томов.

Хм, и что тут у нас? Чего они так нервничали-то? Терней «Современная органическая химия». Два тома. Угу, понятно... Тут папа достал с пола второй сверток, побольше, и протянул еще десяток томов. Это еще что? «Фейнмановские лекции по физике»⁷.

⁶ Руководство Молдовы не подчинилось требованиям ГКЧП.

⁷ Авторы знают, что «Фейнмановские лекции» состоят из трех частей. Но в русском издании их разбили на девять томов, да еще добавили десятый том, задачки.

– Ну и зачем это? Мам, пап, мне ж хорошие учебники нужны. Хо-ро-ши-е! – четко повторил Юра, выделяя каждый слог. А переводные разве хорошими бывают? Вы слышали, как фильмы курочат?

У мамы дернулась щека. Папа немного посуровел и добавил в голос строгости:

– Это еще что такое?! Яйца курицу учат! Родители старше, опытнее. И на ерунду какую-то столько денег тратить не стали бы!

Столько денег? О чем это он? Да даже самые ходовые книжки по трояку купить можно! А учебникам вообще красная цена полтинник!⁸

Тут Юра аккуратно перевернул пару томов. В углу, рядом со старой ценой, был наклеен кусочек бумаги с ценой новой. Что?! Тридцать рублей за том «химии»?! Он быстро глянул на фейнмановские лекции. Да, тут четвертной, тоже не кисло. Это что же, они почти месячную зарплату ему на книжки угрохали? Но зачем?!

– Юра, ты почитай лучше, – мягко попросила мама. – Почитай, и поймешь, почему денег на них не жалко. Это как репетиторы. Только еще лучше.

Из мемуаров Воронцова-Американца

Терней и Фейнман действительно оказались чудом. Тому же советскому Перельману или Некрасову было до них как до неба⁹. И тут в одном из предисловий к Чейзу я нашел объяснение. Там было сказано просто: «Пока советские детективщики пытались поразить читателя умом, Чейз создавал коммерческий продукт. То, что найдет отклик у миллионов самых разных людей, «зацепит» каждого. «Вот! – понял я. – Вот поэтому у нас так и не могут! Наши «умом поразить тцатся». Сделать хоть что-то непохожее. Пусть и хуже, а свое! А у них молоток каждый раз не изобретают. И делают так, чтобы удобнее было читать, понимать, пользоваться...» И для себя сделал вывод: от американского ПРОДУКТА можно ЗАВЕДОМО ожидать качества».

Кишинев, Молдавская ССР, 10 ноября 1991 года, воскресенье, вечер, квартира Юли
– А теперь белый танец, дамы приглашают кавалеров!

Через комнату, по диагонали, ко мне двинулась Юля. Сегодня она была особенно красива. Еще бы, день рождения, семнадцать лет... И семнадцать белых роз, которые притащил Юра. И белый танец был их, только их. Нет, кто-то еще крутился рядом, но для них весь остальной мир куда-то поплыл.

Юру несло. Он фонтанировал анекдотами, читал стихи, снова и снова танцевал с Юлей... И вдруг... В какой-то момент Юра понял, что они остались вдвоем. И тут он вдруг заробел. Юля была совсем близко, а он не знал, что сказать.

– Поцелуй меня, дурачок! – нежно сказала она.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«Тогда мне казалось, что все вокруг смотрят на нас с Юлей и шепчутся. Что ничего важнее нет для всего мира, чем наша любовь. Мы были первыми

⁸ Герой немного ошибается. Нет, в целом учебники, да и вообще книги в Советском Союзе и правда стоили неприлично мало. Однако несколькими годами раньше один из авторов, к примеру, купил книгу за 25 рублей, это была цена хорошей посиделки в ресторане, с вином, на четверых. Так что случались и тогда дорогие книги.

⁹ Книги, действительно, хороши. Хотя герой немного перебирает. Перельман просто старался изложить для другой аудитории. Более завязанной на технику. На вчерашних выпускников рабфаков и вечерних школ. А Некрасов, наоборот, делал настоящий справочник по химии. Фактографии там уйма.

друг у друга. И тогда я верил, что останемся единственными. Глупо, да? Ну, так часто бывает. Все люди мнят себя уникальными.

Однако из сладкой эйфории первой любви меня выдернула начавшаяся с нашей семьей череда несчастий. «Черная полоса». В декабре умерла бабушка. Пришлось ехать в Карелию на похороны. Мама погрузилась в себя, у нее как будто выключили свет в глазах. Так что мы с отцом ходили вокруг нее на цыпочках... И за всем этим не сразу заметили развал Союза. Независимая Украина, Россия, суверенная Молдова, румынский язык в качестве государственного – все это было для нас как бы за толстым матовым экраном. Тем более что паспорта оставались те же, деньги поначалу тоже, границы были формальными... Но в марте эта сосредоточенность на своем горе и нежелание замечать внешний мир были грубо нарушены...»

Кишинев, Молдавская ССР, конец января 1992 года

– Я тебя, Серега, почему к нам позвал? Потому что ты – правильный пацан! И правильно жизнь понимаешь! – Аурел остановился, глотнул пивка из бутылки и продолжил: – Это ведь система! Вот торговлю посмотри, кто там заправляет? Правильно! Русские да евреи! Но евреи, те хоть головастые. А русских почему больше, чем нас? Не знаешь?

Серега промолчал, но в беседу вступил третий парень, имени которого Серега не знал, звал, как и все в их тусовке, Цараном:

– А потому, Серега, что наш язык нам запретили! Да хитро так, с вывертом, мол, «хотите, учите на родном, молдавские классы никто не отменял»... Ага, как же! Только вот потом куда поступишь? В сельхоз, что ли? А кто на русском учится, те в Москву могут поехать, в Питер, в Одессу... Вот и получается, что они самых умных подкупают. Те там и остаются. Манкурты!¹⁰

– А если и возвращаются, то преподают тем, кто по-русски учился, – вступил в разговор Аурел, у которого язык был подвешен получше, – потому что терминов на родном языке не знают. А на молдавском, получается, преподают те, кто в хороший вуз поступить не смог. И учителей они готовят похуже. Вот и выходит, что всюду у них своя русская мафия. И даже с тобой, нашим парнем, мы сейчас на их языке говорить должны! Все они за счет языка контролируют! – тут он с демонстративной злостью врезал кулаком по стене.

– Но мы им теперь покажем! – прогудел Царан. Прозвучало это достаточно грозно, особенно – учитывая его мрачную внешность, короткую, «спортивную» прическу и вечную прищипку чуть что, рваться в драку. Даже над прозвищем никто не решался смеяться, хоть оно и было до недавнего времени весьма обидным¹¹.

Сергей промолчал. И это очень не нравилось Аурелу. В его группе уже хватало «кулаков», не хватало «голов» и «языков». Агитаторов. Таких, чтобы новых людей убеждали и приводили. Не все ж ему, Аурелу, самому возиться. И на эту роль Серега вроде подходил. Надо было только испытать его. Да и просьбу одного «уважаемого» человека заодно выполнить.

В этот момент тот, кого они поджидали, появился из-за угла. «Черт, здоровый какой! – с легкой опаской подумал Аурел, – может, ну его? Для проверки Сереги кого другого подыщем? А то ведь Серега и засать может... А этого потом впятером встретим, не отмахнется...»

Но Царан, который тоже был в курсе, кого они тут ждут, уже двинул навстречу запоздалому прохожему.

¹⁰ Манкурт, согласно роману Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»), – это взятый в плен человек, превращенный в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни. Молдавскими националистами тех времен термин использовался в значении «предатель».

¹¹ Царане – лично-свободные, но феодально-зависимые крестьяне. В Молдавии того периода это слово использовалось в том же смысле, что и «деревня» в русском языке или «реднек» – у американцев.

– Бунэ сяр! – поздоровался он с поджидаемым ими мужиком¹².

– Добрый вечер! – отозвался тот, спокойно глядя на троицу молодых людей.

И это спокойствие Аурелу не понравилось больше всего. Мужик, несмотря на возраст слегка за сорок, был крупным, но здоровым. И уверенность его при встрече в безлюдном переулке была не напускной, это Аурел чувствовал, что называется, нутром. Но остановить уже «легшего на боевой курс» Царана было невозможно.

– Невежливо это! – перешел на русский Царан, одновременно надвигаясь на мужика. – Мы к вам на языке этой страны обратились. Его уважать надо. И отвечать на нем же!

Аурел понял, что остановить Царана не удастся, и привычно зашел с другой стороны, одновременно присоединяясь к «наезду»:

– Или страну не уважаете? Суверенную, между прочим!

– И нас ты тоже не уважаешь? – перешел «на ты» Царан, – мы для тебя лишь тупые царане, да? А ты знаешь, падла, что «царане» – это значит крестьяне? Что именно царане вас всех, оккупантов, и вашу Россию сраную кормят? Знаешь, нет?

Он уже почти перешел к действиям, когда неожиданно вмешался почти забытый им Сергей:

– Стойте, парни, вы чего? Это ж отец Юрки, кореша моего!

Но у Царана уже «упала планка», и остановить его было невозможно:

– Манкурт! – со злобой выкрикнул он и ударил Серегу в пах, потом, когда Серега скрючился от боли, добавил коленом в лицо, а затем, уже упавшему, зарядил ногой в живот. Эта серия была его «коронкой». Царан, не останавливаясь и явно забыв о планах Аурела на Серегу, собирался продолжить избиение, однако позабытый им мужик сделал короткий шаг, сближаясь, и всего одним ударом остановил избиение.

«Хороший крюк, ставленный!» – невольно восхитился про себя Аурел. Мужик и правда имел основания для спокойствия. Царан в нокдауне, пока он придет в себя, мужик явно успеет справиться с ним, Аурелом. Царана все равно увести не удастся, вон сидит, головой крутит... А даже и удалось бы, свидетель у мужика все равно имеется. Аурел вздохнул. Нет, менты их не посадят, ведь конфликт с «оккупантом» был на национальной почве... Но вот авторитет его группы и его лично упадет.

– Вставай, Царан, пошли! – обратился он к подручному, скорее для демонстрации мирных намерений мужику, чем реально рассчитывая, что тот его услышит.

Так и оказалось. Пришлось наклониться, обхватить покрепче и поднимать практически самому. Мужик посмотрел, как Аурел, приобняв за плечи, тащит Царана прочь, затем склонился над Сергеем:

– Парень, как ты?

Тот только глухо застонал.

– Что ж ты с дрянью-то такой связался? Это ж навики, хуже фашистов...

При этих словах у Аурела от бешенства свело скулы. Их не могут, не смеют сравнивать с фашистами! У него дед погиб, с фашистами сражаясь! А они не фашисты, они – патриоты!

В бешенстве, уже ни о чем не думая, он достал из левого рукава телескопическую дубинку и с разворота, всем телом, ударил ею мужика по голове. А затем, когда мужик упал, ударил еще раз, и еще, не разбирая, куда попадают удары, и вообще, по кому из двоих лежащих он бьет. Они не смеют, не смеют ТАК называть их, патриотов своей страны...

Просьба «уважаемого человека» – побить, но не калечить, была им забыта напрочь. Он бил и бил, пока немного оклемавшийся Царан не оттащил его от жертв и не поволок прочь.

¹² «Добрый вечер» (молд.).

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Отца избили до полусмерти. Череп проломан, множественные ушибы и переломы... Нам сильно повезло, что Серега, которого отец прикрыл собой, так что и перепало ему всего пару ударов, довольно быстро пришел в себя и вызвал «Скорую».

Однако дальше начался кошмар. Серега давать показания не стал. Хотя нам и признался, как дело было. Милиция явно не хотела брать в производство дело, касающееся «национального вопроса». Вот если бы наоборот, отец избил этих парней, тут бы они развернулись... Те два придурка, что напали на отца, временно скрылись. Но вот их дружки регулярно звонили нам и угрожали. На третий день мама не выдержала и забрала заявление.

Я тогда окончательно решил для себя, что нам необходимо перебираться в Штаты. Не сейчас, понятно. Надо еще в универе отучиться. Поднять свою «рыночную стоимость». Но – валить отсюда! Обязательно! И именно в Штаты! Там страна всех рас и национальностей, ее строили эмигранты. И такого там произойти не могло! Нет там нациков! И быть не может! И обычных грабителей тамошняя полиция уж точно арестовала бы. А нас защищали бы по программе защиты свидетелей!

Однако поехали мы не в Штаты, а в Карелию. Едва отец немного оправился, мать устроила ему «серьезный разговор» и настояла на отъезде к ней на родину, в Петрозаводск, тем более что от бабушки нам осталась квартира. Она так торопила нас, что мы переехали, даже не дожидаясь, пока я закончу школу. Хотя, если вдуматься, и в этом было везение. Во-первых, нас миновали события войны в Приднестровье, а во-вторых, мать сумела устроиться в одну из первых коммерческих контор и в одиночку тянула содержание семьи. Зарплата в восемьдесят долларов, которую ей дали «со старта», для 1992 года казалась манной небесной.

Отец постепенно выздоровел, и через год сумел устроиться по специальности в Петрозаводске, что тоже давало прибавку семейному бюджету. Так что я смог спокойно поступить на химфак МГУ и учиться, не волнуясь за семью...»

Москва, Ломоносовский проспект, общежитие МГУ, 29 августа 1992 года, суббота

– Привет! Меня Володей зовут! А фамилия Романов, как у царской семьи! – представился вошедший и, не давая мне вставить ни слова, продолжил: – Так что придется тебе, в знак уважения, койку у окна мне уступить!

– Обойдешься! – спокойно возразил я. Настроение у меня было ни к черту, Юля не отвечала уже на седьмое письмо, так что мне было все равно, обратит ли он все в шутку или полезет драться. – Романовы твои так демократии боялись, что аж империю просрали! Так что их уважать мне не за что! Это, во-первых! Ну а во-вторых, первокурсники живут вчетвером, так что мест у окна тут два и ты вполне можешь занять второе!

– Как это вчетвером? – недоуменно оглядел он комнату с двумя кроватями.

– А очень просто! До нас тут третьекурсники жили. Им можно и вдвоем. Но нам пока такой роскоши не положено. Так что давай, занимай вторую кровать, и передвинем ее к окну. И тумбочку со стулом тоже занимай. А опоздавшие пусть таскают себе все из самого подвала на пятый этаж!

Тут я все-таки улыбнулся, протянул руку и представился, подражая ему:

- Юра! А фамилия Воронцов, как у генерал-губернатора Новороссии!
- Новороссийска? – переспросил он, явно не расслышав.
- Эх ты, монарх недоделанный! – засмеялся я! Не Новороссийска, а Новороссии! В пушкинские времена туда и Крым входил, и Одесса, и Кишинев... А Воронцов, кстати, сделал для тех мест столько, что ему в Одессе памятник горожане поставили. За заслуги! Не то что твои Романовы! Из них только Петр I и Екатерина II и были приличными... Да и то, Екатерина – Романова только по мужу...
- Ладно, сдаюсь, сдаюсь!
- И он действительно поднял руки вверх, будто сдаваясь... Мне явно повезло хотя бы с одним из однокомнатников. Легкий у человека характер, люблю таких.
- Эх, жаль Юля не поступила. Никуда. И возможности взять ее сюда не было никакой. Но ничего! Я что-нибудь придумаю. И тогда жизнь наладится окончательно!

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Ситуация с Юлей устроилась вне зависимости от нас. Тогда вся страна «челночила». Миллионы людей стали мелкими торговцами, которые ездили между двумя точками, покупая и продавая какие-то товары и заменяя распавшуюся систему снабжения. Деньги они зарабатывали копеечные, но тогда люди довольствовались и этим. Стала челноком и Юлина тетушка. И «челночила» между Москвой, Кишиневом и Румынией. Она пристроила Юльку помогать себе. Так что два, а то и три раза в месяц Юля появлялась в Москве. И бежала «в гости к подружке». Не скажу, что нам хватало, но... Многие не имели и такого.

К третьему курсу, однако, инфляция сделала свое черное дело, денег, высылаемых родителями, мне стало не хватать, так что пришлось устраиваться на подработку. На рынке поработал, на Лужниках тогда студентов много торговало... А чуть позже устроился в ночную смену в маленьком авторемонте. Аккумулятор зарядить или даже починить, электролит приготовить (а что в этом сложного для химика с неполным высшим образованием?), мелкие неисправности проверить... ну, и «замеры СО-СН», само собой, это тогда наш «кормилец» был... Стоит прилично, а усилий почти никаких.

Мама, кстати, помогала не только деньгами. Иногда подкидывала возможность заработать «по профилю». Для ее фирмы нужно было тексты писать, обзоры про разные химкомбинаты, препараты, историю химической технологии... Последнее я любил особенно. Как говорила моя наставница, «химическое предприятие – это небольшой реактор, весь опутанный теплообменниками и насосами». Так что история технологии – это химия пополам с энергетикой. Неудивительно, что я ее любил. Ну а мамины задания позволяли немножко денег за «художественное изложение имеющихся знаний» получить...»

Москва, Главное здание МГУ, зона «В», общежитие, 2 января 1995 года, понедельник, позднее утро.

В дверь кто-то упорно пытался вставить ключ. Уже минут пять. Романов недовольно поморщился.

– Ну что за чмо там двери перепутало?! – недовольным басом проорал он. – Ща быстро хлебальник на левую сторону выправлю, чтобы похмельное косоглазие не мешало!

За дверью что-то жалобно простонали, но попыток не прекратили. Блин, что за невезение, а? Единственный сокомнатник, Воронцов, укатил к своей крале в Кишинев. Предложение делать собрался... Второй полублок тоже вымер до Рождества. Так что он честно и обоснованно рассчитывал наверстать вчерашний новогодний недосып. И никто не должен был мешать. Нет же, нашелся какой-то убогий...

В дверь снова начали скрестись. Черт! Пришлось вставать и идти разбираться. Надевать что-либо Вовка не стал, справедливо полагая, что созданию, набравшемуся до нераспознавания номера комнаты, будет абсолютно индифферентно, как именно он одет. А послать страдальца можно и так. И завалиться спать без промедления.

Однако планы по вразумлению и свершению жестоких кар были сорваны. В распахнутую дверь ввалился именно его товарищ по комнате. Воронцов. И был он, что называется, пьян до синих соплей. В зюю. Ни-ка-кой!

А ведь Юрка обычно пил крайне мало, и контроля над собой не терял никогда. М-да-а... Похоже, с матримониальными планами Юрке вышел крутой облом. **ОЧЕНЬ** крутой.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...История была банальна, но это не утешало меня ни капли. Самовлюбленный осел, я не хотел замечать, что бывает Юля в Москве все реже. И что в разговорах все чаще мелькают деньги. Причем суммы, о которых она мечтает, все растут и давно вышли за пределы не только моих заработков, но и доходов с «челночного бизнеса». Хотя... может, это и не ударило бы меня так, но я приехал сделать сюрприз. Вот и получил его сам. Юлю я встретил на их лестничной площадке. Она целовалась. И не с кем-то, а с Аурелом. С тем подонком, банда которого изувечила отца... Как я покупал билет на поезд, как напился – я просто не помню. Все исчезло из памяти. И слава богу!

Чуть позже от Юли пришло письмо. Я не стал его рвать или жечь. С каким-то ленивым, отстраненным любопытством, как будто препарируя труп своей любви, я пробежался по тексту... «Ты сам говорил, нужно все планировать... Я детей хочу, а на это деньги нужны... Он теперь не такой, он депутат, и работает на страну...»

Тогда я решил, что больше женщин в моей жизни не будет. Слишком это больно!»

Москва, Главное здание МГУ, 25 января 1996 года, Татьянин день, четверг, вечер.

Хорошо все же быть студентом! Нет, правда, здорово. Даже в этой нищей стране! Все равно, в повод для пьянки и праздника может превратиться все что угодно. Вот сейчас, например, я сидел в гостях у пары негров. Нет, не так... Мелесе не негр. Он из Эфиопии и не устает всех поправлять, что он – амхарец. Амхарцы себя к неграм не относят. Его подруга тоже себя негритянкой не считает. Хоть и черная. Она из Йемена. Папа ее был важной шишкой в их правительстве. Так что учиться она приехала за счет казны. Договор был международный, еще при Союзе валютой заплатили. А потом что-то там у них случилось, страны той уже нет, возвращаться ей некуда... Но все равно, считает она себя арабкой, а не негритянкой.

Впрочем, меня куда-то занесло. Важно другое. За учебу-то заплатили, а вот на жизнь ей брать неоткуда. И никого у нее нет. Потому что той страны уже нет, а если она в новое посольство придет, то может и не выйти. Вот и прибилась к Мелесе. Живут как-то вместе. Болтают то на английском, то на русском. Но ничего, у них весело!

А сейчас мы варим какой-то национальный перцовый суп. В честь Татьянинного дня. Ну и чтобы подлечить меня от начинающейся простуды. А пока суп варится, тихо выпиваем и

играем в карты. Вернее, не играем, они пытаются меня учить какой-то африканской игре. Учиться мне лениво, но весело.

– Юра, – вдруг спрашивает меня Мелесе, – а что ты знаешь про адсорбционные холодильники?

– Про абсорбционные холодильники, друг мой, я знаю все! – отвечаю я ему, перефразируя известную фразу из фильма. – Я даже знаю, что впервые их построили в Баку, в 1931 году, для экономии электричества¹³.

– Вот и хорошо! – радостно скалясь, говорит Мелесе. Раз ты уже все знаешь, то я могу тебе не платить.

– За что?

– За работу! Мне нужна презентация. Вернее, не так. Для фирмы моего отца надо сделать презентацию. На английском. И я даже нашел второкурсницу, которая старательно набрала материал и перевела. Но девочка совершенно не «шарит» в том, как надо готовить презентации. Помогите ей, а? Проект интересный, на стыке химии и энергетики, ты такие любишь, я знаю...

Вместо ответа я демонстративно устался на его подругу. Та как раз наклонилась над кастрюлькой, соблазнительно оттопырив попку, так что посмотреть было на что.

– И прекрати пялиться на мою женщину! – преувеличенно грозно сказал он. – Если тебе женского внимания не хватает, обрати внимание на эту второкурсницу. Ирочка обожает коллекционировать мужчин. И ты ей понравишься. Только намекни. А сама очень даже ничего внешне. И смешная, угу!

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Самое смешное, что этот маленький эфиоп угадал во всем. Во-первых, проект был интересный. Опреснение воды в пустыне с использованием тригенерации. Соль и вымораживали, и выпаривали, и удаляли электроосмосом, причем все вместе сопрягалось и было дьявольски выгодно и экономно. На бумаге. Но я не верил, что нищая Эфиопия найдет деньги на оборудование.

Во-вторых, не заплатил он мне в итоге ни копейки. Сказав, чтобы я с Ирочки брал. Хоть деньгами, хоть натурой.

В-третьих, даже в том, что Ирочка очень смешная, и то угадал. Верно подобрал слово! Она была из тех, про кого говорят: «Прелесть, какая дурочка!»

Ну и, в-четвертых, главное, он угадал, что я ей понравлюсь. Еще как! Мне не то что не пришлось проявлять инициативу (я и не собирался), напротив, она сама взяла меня штурмом. Потом, «после всего», призналась, что ей всегда нравились такие, как я – «рослые, широкоплечие и умные».

И еще – с ней было легко. Ей от мужчин не было нужно ничего. Ни денег, ни брака, ни детей. Только время, внимание и секс. Деньги, ребенка и брак ей обеспечил муж-геолог. Который, как я понял, сейчас радостно умотал куда-то в экспедицию. И появляется не чаще раза в год.

Сейчас я очень благодарен ей. Она излечила меня от женофобии. И напомнила, что цепляться за жизнь стоит всегда. Даже если кажется, что жить

¹³ Герой ошибается. Вернее, введен в заблуждение одним из прочитанных им учебников. Абсорбционные аммиачные холодильники придумали вовсе не у нас, и гораздо раньше.

незачем. «Смысл появится потом», – любила говорить она, написав очередной бред. Самое смешное, что часто так и случалось...»

Москва, лаборатория предприятия «Стирол», 1 июля 1996 года, понедельник

– Ну, ты же сам видишь, Юрочка, предприятие у нас только по названию осталось! А производства нет уже. Стирол весь еще полтора года назад распродали, кислоты тоже не завозят, про вспенивающий агент уж вообще молчу! У нас изопентан использовали, так то, что оставалось, работники научились в зажигалки заправлять! Так что он, считай, «испарился» давно... Я тебе больше скажу, то оборудование, что прежнему руководству продать не удалось, тоже уже разворовано. На металлолом работяги растащили. И половину территории в аренду сдали. Что, ну что, скажи на милость, ты тут изучать собрался?!

Юлия Сергеевна опустила взгляд на своего «практиканта». Тот стоял спокойно, будто и не слышал ее «плача Ярославны». И ведь не выгнать его. Вот ведь настырный!

Юлия Сергеевна знала, что всю группу этого Юры направили на практику в Воскресенск. Однако этот как-то выбил в учебной части разрешение, чтобы его направили сюда. Те и направили «по согласованию с предприятием». Руководство все отсутствовало, так что охрана направила его к Юлии Сергеевне как начальнику лаборатории. То есть одновременно и самой старшей из оставшегося начальства, и единственной, кто может провести практику, если что... Учитывая все изложенные ей обстоятельства, думать тут было не о чем, отказать в практике, и все! Однако Ирочка, дочурка непутевая, за него тоже очень просила. Вот и пришлось согласиться. Чтобы посмотреть на таинственного «Юрочку-умницу» поближе, на всякий случай.

– Нет, я понимаю, лето, в Воскресенск ехать не хочется, тянет остаться в Москве. Так я ж не против! Боже мой, в чем проблема-то? Берешь наши работы, компилируешь¹⁴ дня за два, делаешь отчет по практике, я тебе его утверждаю, и все. Ты занимаешься своими делами, а я – своими. Годится?

– Конечно, Юлия Сергеевна! Только вот пары дней мне не хватит. Я привык все тщательно изучать. Давайте так, вы дадите мне все материалы, сколько унесу, и фотографии тоже. Это мой фирменный стиль такой, работу фотографиями иллюстрировать. А у вас сейчас и снимать-то можно одни руины... Так что я старые фотки скопирую... Ну и неплохо бы все же сейчас по корпусам пройти... Производство стоит, все растащено, но здания-то производственные на месте остались! Хочу представить то, о чем писать буду!

Юлия Сергеевна слушала Юрочку и с грустью думала, что такого головастого и деятельного практиканта ей бы лет пять назад, она б его сама никуда не отпустила. И водила бы по корпусам, и работать заставляла бы с утра до ночи... И не «для доченьки», а так. Парень, похоже, и вправду умница. Но времена изменились, и этот головастый Юрочка, скорее всего, через год, получив диплом, постарается уехать на Запад. Что-то такое в обрывочных рассказах Ирочки мелькало...

– Как у вас с английским, Юра? – уточнила она.

– С устным не очень хорошо. Акцент сильный, и, если надо говорить, бывает, в ступор попадаю, все слова куда-то вылетают. А вот тексты перевожу хорошо. Пишу неплохо. Фильмы, когда на английском смотрю, почти все понимаю. Только переводить не успеваю... Пока одно предложение переведешь, следующее прослушаешь!

– Это хорошо. У нас половина текстов на английском, вот я и спросила... А устный вы еще подучите!

– Подучу! – попался он на незамысловатую проверку. Вот диплом получу, в Штаты перееду, и подучу. На месте-то всегда легче!

– Значит, вы тоже в Штаты? – несмотря на все ее догадки, Юлии Сергеевне стало грустно, когда они подтвердились.

¹⁴ Компиляция – сочинительство на основе чужих исследований или произведений.

– Ну, не здесь же оставаться, верно? Сами видите, что с вашим предприятием стало. А лет через пять со всеми такое будет. И кому тут будет нужна моя химия? Так что ехать нужно, обязательно ехать!

– А если девушка ваша туда не захочет?

– Это ей решать. Но, если вдруг у нее ко мне серьезно, придется ей ехать со мной. И вам, Юлия Сергеевна, тоже советую – бросайте все и уезжайте! Как говорится, «хоть тушкой, хоть чучелком»! Эта страна уже ничего хорошего не даст, поверьте мне. А вот в Штатах химии нужны!

Юлия Сергеевна оторопела от такой убежденности, она уже жалела, что завела этот разговор, и, чтобы прервать его, встала и решительно пригласила:

– Ну что ж, пойдёмте изучать останки нашего предприятия.

И Юра пошел за ней, то и дело задавая уточняющие вопросы и конспектируя все сказанное. Ему предстояло писать не только отчет о практике, но и первый отчет для руководства маминой фирмы. Первый – на английском языке. Для американского руководства. За своей подписью. Это была «работа на репутацию», и Юра собирался выполнить ее только на «пять с плюсом».

Санкт-Петербург, 21 июня 2013 года, пятница, поздний вечер

Алексей отложил дневник в сторону. И удивился тому, что потрясения в его душе нет. Абсолютно нет! Не воспринимался этот текст как часть реальности. Нет, деду он верил. Раз дед сказал, что сам видел, как Американец эту тетрадь писал, значит, так и было. Вот только... Американец же сам напомнил, что фантастику писал. Вот так текст и воспринимался. Как фантастика. Правда, написанная от души, с размахом. Эвон как предок размахнулся: тут тебе и загадочный союз (наверное, намек на Европейский союз, тот в сороковые как раз зарождался... Правда, непонятно, с кем Российской империи в Союз вступать? С Турцией, что ли? Или с Китаем?), и суверенные Молдова с Украиной...

Но картина краха империи и выживания на осколках дана была предком ярко, очень ярко... Аж зазнобило! «Интересно, а сколько из реальных причин своей любви к Америке перенес сюда предок?» – мелькнула вдруг у Алексея мысль.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...В общем, доучился. Диплом защищал на кафедре химической технологии, большая часть курсовых и дипломных работ – по полимерам. Однако в Москве зацепиться и не пытался. Незачем. Пора было ехать в Штаты. Тем более что Иришка уехала куда-то в Сибирь к своему мужу.

На второй день по приезде домой устроил разговор с родителями. Убеждал, звал в США. Но они отказались. Решительно и бесповоротно. «Здесь наш дом, сынок! Езжай сам, если хочешь...» Ага! Сейчас! Даже два раза! Они что, не понимают, что если чем я от них и заразился, так это трепетным отношением к семье. А тут они предлагают их бросить! Ну, уж нет! Останусь! Не удалось взять штурмом, возьму измором. Но уговорю!

Так что остался я с ними. Работой по специальности не увлекся. Времена изменились, и зарплаты в фирме матери не соответствовали уровню требовательности работодателей. Вкалывать по шесть дней в неделю с утра до вечера за триста долларов в месяц, причем заниматься в основном тупой компиляцией чужих работ – слуга покорный!

В меру помыкавшись, подался я в фирму, которую создал мой отец на пару с коллегой. Занималась фирма всем подряд – поставки оборудования, скупка металлолома, наладка. Но самые легкие деньги они рассчитывали поднимать на энергетическом консалтинге и рекомендациях по повышению энергоэффективности.

Неожиданно увлекся. Работа была творческая, требовала изучать особенности оборудования предприятий, применяемых технологии, сезонных изменений в выпуске продукции и т. п. Мозги приходилось напрягать от всей души, все время учиться, общаться с людьми... Хотя с зарплатой было плохо. Поначалу зарплату мне только обещали...»

Карелия, г. Костомукша, ресторан «Медведь», 4 марта 1998 года, среда, ранний вечер

– А этот тост, дорогой Артур Николаевич, я хочу поднять за вас! За вашу любовь к предприятию! И за ваш Костомушский ГОК!¹⁵ За его процветание!

Допив, Юра просигналил взглядом своему коллеге, Антохе Дымову, мол, все, еще немного – и я спекусь тосты поднимать, перехватывая инициативу. Однако инициативу перенял угощаемый ими Артур Николаевич:

– Вот ты говоришь «за процветание», Юрок... И я на него всем сердцем надеюсь. Только вот какое процветание? Слухи ходят, продавать наш ГОК скоро будут. И хорошо еще, если своим олигархам или финнам, к примеру. Те рядом, может, хоть что-то и отдадут на развитие предприятия да на «поддержание штанов». А ну как американцам продадут? Налетят сюда как саранча, да и сожрут все. И в Америку повывезут. Была тут у нас деревня Контокки, а станет – филиал штата Кентукки!

Антон с тревогой посмотрел на Воронцова. При таких речах Юрий всегда взрывался. Сейчас это было бы особенно некстати, потому что этот самый Артур Николаевич не только дал им всю исходную информацию, но он же, судя по всему, и был тем экспертом, который будет принимать их отчет. И сейчас их целью было не только отблагодарить его (эту задачу решил бы и конверт, переданный ими в начале застолья «от руководства компании с благодарностью за сотрудничество»), но и позитивное от них впечатление. Все же деньги – деньгами, а выказанное уважение и благодарность в нашей стране значат не меньше. Только бы Юрка со своим «пунктиком» на США все сейчас не испортил.

Но Юра, похоже, чему-то научился. И в этот раз он непринужденно «съехал» с опасной темы:

– Эх, Артур Николаевич! Да зачем американцам сюда ехать-то? Наши правители сами туда все привезут!

– Это верно! – грустно согласился тот, и пьянка продолжилась, миновав опасную тему.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Потом нас снова накрыло «черной полосой». В мае 1997 года неожиданно умерла мама. Обычная простуда дала осложнения, и матери не стало в течение недели. Отец после этого совсем сдал, и несколько лет не вставал с постели. А мне пришлось вкалывать на прокорм нас обоих, да еще и на сиделку.

В августе ударил дефолт, фирма наша стала загигаться, и компаньон отца (я-то в управлении не участвовал, а отцу было решительно не до того) решил

¹⁵ ГОК – горно-обогатительный комбинат. В 1999 году, год спустя, Костомушский ГОК был приобретен «Северсталью» и переименован в «Карельский окатыш».

ее банкротить. И тут я уперся. Убедил его подождать. Чувствовал, что это отца убило бы. Продав квартиру, выкупил вторую половину фирмы, жалкие остатки денег вложил в поддержание бизнеса.

Тяжело пришлось. Приходилось крутиться, вкалывать изо всех сил, жить в дальнем пригороде... Пару лет хитрил, обходясь без офиса.

Весной 2000-го отец все же умер. Тихо, без мучений, как будто выключили лампочку. Все же он очень любил маму. Пару недель я ходил не в себе. Не пил. Не тянуло почему-то... А потом вдруг решил, что раз единственное, что осталось от родителей, кроме памяти, – это отцова фирма, то мне надо ее «вытащить». На деньги, раньше уходившие на жилье и сиделку, снял совсем скромный офис на окраине. Там же, в офисе, и жил.

За следующий год постепенно набрал еще несколько таких же, как я. Умных, молодых, но никому особо не нужных. Научился я за этот год стольким вещам, что иногда казалось, что пять университетских лет вместили меньше. Причем я говорю не только о знаниях и умениях. Пришлось еще учиться ладить с государством, с людьми, с чиновниками... Иначе фирму «приподнять» не удалось бы...

Петрозаводск, ресторан «Петровский», 8 июня 2000 года, среда, обед

– За эту херню я платить не буду! За нее еще вы мне, ребята, доплачивать должны! – решительно рубанул Сергей Александрович и оттолкнул от себя ноутбук, на экране которого была наша презентация. Ноут проскользил по столешнице и едва не упал на пол.

– Но текст согласован вашими сотрудниками и доработан с учетом их комментариев. Не понимаю, что вам не нравится? – вежливо уточнил я. Этот «большой босс» меня с самого начала раздражал. Но – «клиент всегда прав». Особенно если клиент не только еще не заплатил ни гроша за уже проделанную работу, но и предъявляет претензии на нечто большее. В телефонном разговоре он уже обозначил свое недовольство, так что я пригласил сюда свою «крышу» от администрации.

– И шо вам ни нравицца?.. Согласован с сотрудниками! – передразнил меня собеседник. Потом, изображая снисхождение к моей тупости, пояснил:

– Ребята, если бы мои сотрудники могли сделать эту работу так, чтобы я был ею доволен, на хрен бы вы мне сдались? У меня что, на лбу слово «сладкий» написано? Или вы думаете, мне деньги деть некуда и я вам их подарить решил?

Я угрюмо промолчал. Спорить было бессмысленно, заказчик был прав. Не в форме претензии, хотя на эту хамоватость, столь свойственную многим российским чиновникам и бизнесменам, я и не обратил особого внимания, а по сути. Только вот соглашаться не стоило. Российский бизнес стал жить по понятиям криминала, и теперь еще долго будет по ним жить. А в том мире правило простое: «Согласился, что виноват, значит, должен». Так что молчать пока было выгоднее всего. Если я сам не дам слабину, то мой спутник, тот самый, который «крыша», все разрулит. Но пока надо молчать.

– Мне ведь что от вас надо было? – продолжил Сергей Александрович, поняв, что ответа не дожидается. – Мне надо было покупателю показать, что у меня в руках карьер по добыче шунгитов¹⁶. И что нигде, кроме Карелии этот минерал не водится. Что на него спрос будет...

– Оценка запасов и перспективы рынка там даны, – ответил я абсолютно ровным голосом. – Как и рыночная оценка. Нами выбран метод оценки «по доходам», как показывающий

¹⁶ Шунгит – горная порода, занимающая по свойствам промежуточное положение между графитом и антрацитом. Первоначально выделялось два типа шунгитов, различающихся цветом и содержанием углерода. Однако сейчас принято выделять до пяти групп. В описываемый период начала разгораться мода на «экологичность» фильтров из шунгита. Также применяется для изготовления строительного материала «шунгезит». Впрочем, фильтрующие свойства шунгита и правда уникальны. В промышленных количествах шунгиты добываются только в Карелии, в основном в окрестностях г. Повенец.

наиболее высокую стоимость. В закрытых приложениях есть оценки по расходному методу и по сравнительному, для сведения... все с формулами, ссылками, обоснованием...

– Замечательно! – язвительно произнес Сергей Александрович. – Но к этому у меня и претензий нет. А вот откройте раздел «предыстория»...

– Этот раздел, повторюсь, был введен по настоянию ваших сотрудников!

– Да срать я хотел на «настояния моих сотрудников». Вы чуть всю «тему»¹⁷ мне этим разделом не убили!

– А подробнее?

– Чего «подробнее», чего «подробнее»? На хрена вы там написали, что эти самые шунгиты почти полтора века пытались, как угли, сжигать? И лишь когда не получилось, начали для фильтрации использовать?

Я уже понял суть претензий и постарался выиграть время на обдумывание ответа, и для этого «переключил» заказчика, изобразив предельную тупость:

– Не совсем так, уважаемый Сергей Александрович! Мы специально отметили, что как минимум три метода сжигания шунгитов первой и второй групп оказались успешны. И даже предложили свою методику сжигания, перспективную, для шунгитов третьей группы...

– Ты что, совсем дурак, что ли?! – взорвался тот. – Ты не понимаешь, как это прочтут? Это прочтут как: «У нас тут уголь добывали, но такой херовый, что сжечь никак не получалось. Полвека мучились, потом еще век – все равно не получалось. Но с рудником что-то делать надо, вот мы и ищем лохов, чтобы впарить этот недоуголь по цене серебра... Вам, кстати, не нужен?» И много ты видел людей, что себя сами лохами признают? Особенно среди иностранцев?

Закончив орать, Сергей Александрович помолчал и совсем другим, тусклым тоном закончил:

– Так что, получается, ребяташки, ваш это «косяк». И вы мне теперь должны. Осталось решить – сколько именно.

– Значит, вы, Сергей Александрович, говорите, что среди иностранных инвесторов лохов нет? – переспросил я. И, не дожидаясь новой порции криков, продолжил: – И я с вами согласен. Абсолютно согласен! Только вот вы, похоже, не совсем понимаете, что означает сегодня «быть не лохом» в той же Америке, к примеру. А я вам поясню. В Америке сегодня самая «тема» – это Интернет! Заплати за год Интернета, и компания тебе в придачу к контракту компьютер всего за один доллар продаст.

– При чем тут это? – Сергей Александрович, похоже, не ожидал такого «захода издалека».

– А при том, глубокоуважаемый Сергей Александрович, – тут я позволил себе подпустить в голос немного яду, – что в Штатах лохом считается тот, кто информацию «по Сети» не «пробьет». И русских там, как понимаете, хватает. А если залезть в Сеть и запустить поисковик по словам «шунгиты история», то все, что мы тут написали про сжигание, выскочит на первой же странице. И как вы думаете они отнеслись бы к вашим материалам, если бы там НЕ БЫЛО этой части?

В этом месте я позволил себе небольшую паузу и продолжил:

– Они отнеслись бы к ним именно так, как вы пытались нам сейчас изобразить. Как к поиску лохов. К попытке их «кинуть». Потому мы и изложили этот материал так, чтобы было видно, мол, да, было дело, пытались сжигать, сразу недооценили уникальности такого минерала. Но потом-то – пересмотрели! Оценили!!! И «затачивали» мы этот материал» именно как «была ошибка, которую исправили»! И все! Покупатели чувствуют себя знатоками и относятся к материалу с большим доверием!

¹⁷ Жаргонное обозначение бизнеса, бизнес-проекта. В те годы было особенно популярно в Санкт-Петербурге и на северо-западе России.

– «Заточили» они! – проворчал Сергей Александрович, явно сдаваясь, – плохо «заточили», значит, раз вас не так понять можно!

– Ну что вы! Это ж вы русский текст читали. А затачивал я больше перевод на английский. Впрочем, если у вас есть конкретные предложения, как усилить этот аспект... Тем более что усиливать есть что, пишем мы только правду, и шунгиты – действительно уникальный и экологичный минерал!

* * *

Все собеседники уже давно ушли, а я все сидел и вносил в презентацию и отчет оговоренные правки. Убирая упоминание про нашу методику сжигания (тем более что она пока не отработана) и расставляя как можно больше слов «уникальный», «экология», «недооценили свойства» и тому подобное... А перед моим мысленным взором стоял оттопыренный большой палец, украдкой показанный мне уходящей «крышей». Мы выкрутились! А я хоть немного научился не теряться при наездах и вести сложные переговоры.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Кризис продолжал давать о себе знать. Да и Сергей Александрович, похоже, немного подгадил. Рынок был узким, платили мало, так что приходилось и за пределы региона выезжать. Порой даже без заказа. «Самопально», так сказать. В расчете, что заказчиков удастся приманить уже возникшими идеями...»

Бокситогорск, административный корпус Бокситогорского глиноземного завода, 11 сентября 2000 года, понедельник, после обеда

– Ну и зачем мы сюда приехали? – демонстративно недовольно задал вопрос Антоха, – три дня тут сидим, деньги проедаем.

– Ничего, зато мы все тут изучили. Город посмотрели, историю открытия первого в стране бокситного рудника выслушали, храмы посмотрели... И монастырь имени тебя... – не удержался я от «подколки»¹⁸.

– А что? – поддержал шутку Антоха, – мы, Дымовы, фамилия древняя, родословную еще до нашествия татаро-монголов знаем, могли монастырь этот основать!¹⁹

Мы посмеялись. «Древность» рода Дымовых была новым увлечением дяди Антона. Тот не пожалел денег, заплатил каким-то жуликам, немедленно «разыскавшим в архивах» все подтверждения.

– Ладно, что ты мне баки забиваешь? Мы тут время зря теряем! – вернулся Антон к своей теме, – три дня в городе торчали, теперь тут два часа приема ждем. Кто ж в командировки без заказа ездит? И даже без твердого контакта? Я начинаю чувствовать себя попрошайкой на паперти. И это, знаешь ли, меня терзает!

– Похмелье тебя терзает! Нефиг было портер коньячком «заполировывать», – ответил я чисто для поддержания разговора. – И вообще, где ты видел нищих, ужинающих в ресторанах, пьющих Гиннесс литрами, да еще и полирующих его «Хеннесси»?

¹⁸ В 10 км от Бокситогорска, в деревне Сенно, в окрестностях которой и был впервые обнаружен боксит, находится Свято-Троицкий женский скит. А в 20 км от Бокситогорска находится Антониево-Дымский мужской монастырь – старейший монастырь Санкт-Петербургской епархии, по преданию, основан преподобным Антонием около 1243 года. В описываемое время как раз началось восстановление главного собора монастыря. Сходство названия монастыря с именем коллеги не могло не вызвать шуток.

¹⁹ На самом деле монастырь называется так в честь Дымского озера.

– Жизни ты не знаешь, Юрок! – тут же встрепенулся Антоха. Тема про «знание жизни» у него была популярной – в начале лета вышел на дембель его младший брат, и много про данную тему рассказывал, – настоящие, профессиональные нищие как раз спокойно могут себе это позволить. Конан Дойля, к примеру, почитай. У него описано, как джентльмен нищенством на жизнь зарабатывал. И побольше, чем средний класс в то время!

– Ладно! Уболтал, чертяка языкатый! – я улыбнулся и продолжил: – Только имей в виду, что, если мы тут потерпим неудачу, тебе как раз и придется в нищие подаваться. Потому что доходов у нашей компании, чтобы платить тебе зарплату и налоги государству, у нас просто не хватит. Спасибо Сергею-свет-Александровичу, кстати...

– Думаешь, он подгадил?

– Не думаю, Тоха, знаю. Шепнули люди. Так что в родной Карелии нам сейчас трудновато будет работу найти. А «на местах», сам знаешь, есть и свои фирмы. Прикормленные. Так что звать нас сюда никто не будет. Одна надежда, что дадут хотя бы «за так» поработать, а потом и купят наработки, если их впечатлит.

– Хилая она, надежда-то, Юрок! – неожиданно серьезно сказал Дымов.

– Знаю! Но другой у меня нет.

– Ну, можно было налоги не платить, да зарплату «в конверте» выдавать. Уже почти вдвое расходы уменьшил бы! Сам не понимаешь, что ли?

– Считать, Тоха, я умею. Только вот, видишь ли, я и законы немного знаю.

– Ты это к чему?

– А к тому, что по налоговым вопросам, Антон, срока давности нет. И многие из тех, кто сейчас «черным налом» балуется, дают власти «крючок» на себя. А я не хочу, чтобы меня на крючке держали. Да и противно... В Штатах, к примеру...

– Ну, все! Туши свет, бросай гранату! Воронцов опять про свою обожаемую Америку пластинку поставил!

Я улыбнулся. Если чему и выучил меня бизнес, так это не обижаться на такие вот «заходы». Или как минимум не показывать обиду.

– Ладно, не в том дело! Но зарабатывать мы будем честно! Грош цена нашим головам, если мы даже на зарплату себе не нарботаем!

Бокситогорск, административный корпус Бокситогорского глиноземного завода, 11 сентября 2000 года, понедельник, конец рабочего дня.

– Простите, господа, что заставили вас ждать, но больно неожиданным оказался ваш визит. Главный энергетик вас принять не сможет, так что попросил меня пообщаться с вами. Зовут меня Ренат, я представитель хэд-офиса²⁰, как раз приехал программу по энергосбережению проверять. Так что вы ко времени. Только вот я не пойму, что именно вы предлагаете?

– Очень просто, Ренат! – сказал я, одновременно протягивая ему свою визитку. – Мы уже имеем опыт обследования Пикалевского глиноземного и Надвоицкого алюминиевого²¹. Так что в курсе особенностей потребления энергии на предприятиях вашей отрасли. Больше того, шаблоны для расчетов у нас готовы, так что реальные затраты будут невелики. Ну а вы платите только, если вам понравится результат.

– Что ж! Очень честно. Даже не ожидал!

²⁰ Хэд-офис – головной офис компании. Бокситогорский глиноземный завод на то время входил в холдинг «РУСАЛ».

²¹ Предприятия алюминиевой отрасли, первое, получает глинозем, второе, делает из него алюминий. Надвоицкий алюминиевый завод расположен в Карелии, так что, вероятно, герою удалось получить заказ на обследование. Тем более что в описываемый период там как раз строилась большая котельная. Ну а с Пикалевским глиноземным заводом, находящимся в Ленобласти, он мог навести контакты «по-родственному». Значительная часть продукции Пикалевского как раз шла на НАЗ. Впрочем, он не только глинозем делал...

При этих словах Ренат должен был, просто обязан был улыбнуться. Но он продолжал смотреть спокойно и холодно. И продолжил:

– Вот только, ребята, все, что вы насчитаете, я и сам предложить могу. Меры-то банальные. Предложите вы вместо трехкорпусных выпаривателей поставить пятикорпусные²². Так?

Я промолчал, но глянул на него с интересом. Нет, эта мера, и правда, была очевидной, но что он еще предложит?

– Еще предложите на ТЭЦ вместо паровой турбины ПГУ²³ поставить, – оправдал он мои ожидания.

– Точно! – подтвердил я. – ПГУ на вашей ТЭЦ позволит вместо того, чтобы вырабатывать 40–45 % потребляемого вами электричества выработать почти все. А расход топлива при этом увеличится незначительно!

– Все это так, ребята, все так! – вот теперь Ренат улыбнулся. – И это было первым, что я предложил, устроившись сюда на работу. Вот только, видите ли, нет у нашего холдинга на это денег.

– Это как это?²⁴

– А вот так! У нас внутри холдинга конкуренция по инвестпроектам. Причем те, что не дают окупаемости за пять-семь лет, вообще в список не попадают. Ваше же предложение окупится хорошо, если за десятилетие. Так что, сами понимаете, оно мне не интересно.

– Но зачем вы тогда с нами вообще встречались? – глухо спросил Дымов.

– А затем, ребята, что мне другое нужно. Мне нужен тариф пониже. А чтобы РЭК²⁵ такой тариф установил, мне нужно иметь, чем его испугать. Пока у меня альтернативы нет, они мне за тепло, что я городу отпускаю, копейки платить станут, а за электричество, что я из сетей беру, наоборот. «Ленэнерго» им родное, свое. Его обижать они не станут. Население тоже. Нет, может быть, население они и ограбили бы, да не платит оно, население-то...²⁶

– Ну, тарифы – это не по нашей части! – разочарованно протянул мой коллега.

– Точно! Не по вашей! Тарифы обосновывать мы и сами умеем. Только вот, чтобы они не слишком жадничали, неплохо бы им альтернативу показать. Сейчас по Северо-Западу бегают множество мелких контор, которые предлагают не только рекомендации, но и контракт на строительство ТЭЦ с разными западными компаниями. Если такой контракт заключить, я РЭК смог бы убедить.

– То есть, Ренат, вам нужны не наши рекомендации, а контракт? Причем такой контракт, которым можно пугать РЭК, но выполняться он не будет?

– Именно! Только контракт должен быть настоящим! От серьезной и «живой» западной фирмы.

²² В ходе производства бокситов выщелачивающий раствор разбавляется за рабочий цикл почти вдвое. Водой, содержащейся в бокситах, конденсатом от прогревающего пара и т. п. Поэтому одной из самых главных затрат тепла является подача пара на выпариватели, где эту лишнюю воду выпаривают. Для экономии тепла давным-давно додумались пар, образующийся в первом корпусе выпаривателя, пускать на нагрев второго, пар из второго – на третий и т. п. Однако количество корпусов, греющих друг друга, ограничено уровнем технологий. К описываемому моменту самыми старыми были трехкорпусные выпариватели, самыми актуальными – пятикорпусные.

²³ ПГУ – парогазовый цикл. Комбинация из газовой и паровой турбины. За счет того, что тепло, сбрасываемое из газовой турбины, идет на выработку пара, который потом работает в паровой турбине, в описываемый период удавалось поднять КПД до 48–54 %, притом что паровые турбины с отборами пара давали едва 25–30 %, а газовые турбины четвертого поколения – 36–39 %.

²⁴ В описываемый период алюминиевая отрасль имела очень высокую доходность, которая благодаря СМИ была невероятно раздута. А РУСАЛ производил почти три четверти российского алюминия. Так что чего-чего, а денег в представлении героя у них должно было быть много.

²⁵ РЭК – Региональная энергетическая комиссия, в описываемый период устанавливала тарифы на тепло и электричество.

²⁶ В описываемый период собираемость за тепло в среднем по стране составляла 50–60 %, да и за электричество составляла около 70–75 %. Причем при любом резком росте тарифа собираемость так же резко снижалась. Единственным надежным плательщиком были промышленные предприятия.

– Давайте вашу визитку, Ренат. Полтора-два месяца, и я вам такой контракт привезу. От самой что ни на есть «живой» и солидной американской конторы!

Санкт-Петербург, 21 июня 2013 года, пятница, начало ночи

Алексей нехотя отложил чтение в сторону и сладко потянулся всем телом. Так, надо бы чайку выпить, взбодриться.

Заваривая чай и мастера к нему парочку бутербродов, Алексей возвращался в мыслях к творению предка. Надо же, какой-то загадочный дефолт придумал... Это кто ж, интересно, сумел так экономику империи подкосить-то? Хотя нет, не империи, и не Союза даже... тот в этом придуманном мире распался на составляющие. А что? Деталь интересная. Экономика России, от которой откололись бы все части, кроме исконно русских, пошатнулась бы сильно. Мог и дефолт случиться... Да и криминализация страны тогда была бы объяснима... Да, детали предок продумывал тщательно, тут он мастер, оказывается.

Хотя... Про шунгиты, энергетику и химию с алюминием брал все из нашей, кондовой реальности. Да, тут уж не придумаешь! Алексей посмотрел на шунгитовую пепельницу на столе. Яркая деталь из реальной жизни может раскрасить любую выдумку!

Где-то между Бокситогорском и Петрозаводском, придорожный ресторанчик, 11 сентября 2000 года, понедельник, поздний вечер

– Так что, господин Воронцов, вы все же решили нас бросить да в Америку податься? – наконец-то спросил меня Дымов.

Уважаю! Выдержка из титанового сплава!

– Нет, Антоха. Я решил, что в Америку пора ехать тебе!

Мой ответ поразил его настолько, что газировка стала Дымову поперек горла. Откашливался он долго, со вкусом...

– Почему это я? В отличие от тебя я туда никогда не рвался! Да и переговорщик из меня неважный. Кого я тебе там найду?

– Сам я поехать не могу, Тоха. За фирмой пригляд нужен. Да и никого искать не надо. Помнишь, я говорил, что фирму эту мой отец основал на пару с дядей Леной? Помнишь такое? Ну так вот, дядя Леня пару лет назад, как долю свою мне продал, подался в Штаты. И устроился как раз в фирмочку, которая ТЭЦ да котельные по всему миру строит. Самое то, что этому Ренату от нас нужно!

– А зачем тогда мне ехать? Может, пусть твой дядя Леня и договаривается?

– Нет, Тоха! Он договорился бы, если бы контракт был реальный. А нам нужен туфтовый, который исполнять не станут. И на такое я только «своего» человека пустить могу.

– Думаешь, я потяну?

– Надо, Тоха, надо! Пора тебе расти! А справишься – двадцать процентов от прибыли – твои.

Дымов минуты три смотрел на меня, потом молча кивнул.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Особенно выручила затеянная Чубайсом реформа энергетики. Карельская энергетика – в основном ГЭС. А это – сладкий кусочек. ОЧЕНЬ сладкий. Себестоимость электричества с уже построенной ГЭС была всего две с половиной – три копейки за киловатт-час. А модель показывала, что узловые цены ниже шестидесяти копеек не будут. Посчитайте-ка сами доходность!

Так что я понимаю тех, кто решил за это побороться! Но, хотеть мало, надо еще суметь изложить все ребятам из РАО ЕЭС, а потом и их консультантам, причем – на языке их математики. И графики красивые нарисовать, и текст. В общем, мне пришлось немало попотеть, вспоминая университетский курс. Но оно того стоило. Заплатили мне настолько неплохо, что впервые замаячил просвет. Так что, когда в конце июля фирма получила возделенный гонорар, хватило не только дыры залатать, но и побаловать себя, любимого. И, увы, единственного.

Мало того, этими наработками заинтересовались и в Штатах...»

Телефонный разговор Лос-Анджелес – Петрозаводск, 20 июля 2001 года, пятница

– Юра, привет, не разбудил?

Антоха, как всегда, был в своем репертуаре.

– Ты что, опух там в своей Калифорнии? Кто ж ложится в десятом часу вечера? Да еще в начале выходных?

– Ну, мало ли... Вдруг ты не один в постель лег?

Мы посмеялись.

– Так что ты хотел? – подстегнул я разговор.

– В общем, так, старик, колись, кто тебе работку по модели рынка подкинул?

– А тебе зачем?

– Надо, старик, надо! Тут «тема» светит конкретная! Только надо понять, есть ли у тебя обязательства. Так как, кто подкинул?

Я прикинул. Заказчик сам факт заказа в секрете держать не требовал, так что...

– «Карельский окатыш». Были у меня там старые контакты, от отца еще. Ну ты ж и сам помнить должен. Артур Николаевич... Ну, тот, что еще боялся, что «были мы Кентокки, а станем Кентукки».

Мы снова посмеялись...

– Ну и как он? – спросил Дымов, – успокоился?

– Сейчас уже успокоился. Ну а с заказом еще проще. У ГОКов, сам понимаешь, электричество в себестоимости значительную часть составляет. Вот им и желательно убедиться было, что оно в цене не слишком сильно вырастет.

– То есть обязательств у тебя перед ними больше нет?

– Нет, пока никаких.

– Ну, вот и славно! Тогда вот что, старик, бросай все, оформляй бизнес-визу по-быстрому и лети сюда. Не позднее начала августа! «Тема» светит конкретная, но времени терять нельзя. Есть тут серьезные ребята, которым тот рынок приглянулся. Так что бери билеты и лети! Быстро, понял?

– Что за спешка? Объясни сначала! А то бросать все и лететь за половину земного шара просто так я себе позволить пока не могу.

– Надо же! Бывают в жизни чудеса! А я не верил! Воронцова зовут в Штаты, а он, вместо того чтобы подпрыгнуть и помчаться, выпрашивать начинает, почему да зачем...

– Тоха, ты меня знаешь! Раз спросил, значит, пока не объяснишься, с места не стронусь!

– Эх... Ну ладно! Контакт я тут нашел. Компания «Энрон»²⁷. Крупная, солидная. И зарабатывает она на рынке электроэнергии. Неплохо зарабатывает. Почему? Потому что модель имеет. А ваша модель – почти такая!

²⁷ Компания «Энрон» – крупный оператор американского оптового рынка, получавший в тот период баснословную прибыль на спекуляциях и манипулировании рынком. В период 1999–2001 годов это трижды приводило к «гашениям». Осенью того же 2001 года «Энрон» обвинили в подтасовке отчетов и мошенничестве.

– Наша модель сильно отличается! – задумчиво произнес я, уже прикидывая про себя возможный профит. – В нее предохранители встроены против манипулирования. Да и мощности в любом регионе у нас поменьше...

– Тем более, Юрок! – вкрадчиво подхватил Дымов. – Ты – сейчас «в теме». А у «Энрона» большое желание еще и Россию порастрясти. Там сейчас впервые после дефолта стали деньги появляться, они считают, что грех не пощипать... И нас с тобой зовут участвовать. Пусть и не в директора филиала, но... нас тоже не обидят, поверь! Так что давай, бросай все – и к нам, в Калифорнию! Пулей!

Санкт-Петербург, 21 июня 2013 года, пятница, первый час ночи

Алексей даже на миг пожалел, что не читал раньше рассказов Американца. Наверное, тот и там все продумывал от души. И, кстати, вот такая деталь – зарплата в долларах. Да еще такого размера, что сегодня и в ресторан сходить не во всякий хватит. Бедная, значит, страна...

Но, с другой стороны... Своего прототипа предок описал именно таким, как Леночка описала. Позвали в Штаты, чтобы Родину «немножко подраздеть» – поехал моментально, да еще и с радостным привизгиванием. Возможно, дед именно потому и советовал ему почитать творения предка? Считает, что Американец часть правды о себе тут писал?

Ну что же, читаем дальше!

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...К моему безмерному удивлению, дела удалось привести в порядок в считанные дни. Долго выбирал маршрут. Дела делами, но и посмотреть на Америку тоже хотелось. В конце концов решил лететь из Москвы через Нью-Йорк. Вылет поздно утром, почти в обед, а прилечу, учитывая поясную разницу, сразу после обеда. Будет время по городу пошляться. Хоть до поздней ночи. Потом в отель, переночую, а в шесть утра снова в полет. Рейс снова длинный, через весь континент, так что отоспаться можно будет и в самолете. А прилечу все равно утром. Вот ведь парадокс!

Слетал в Москву, зашел в фирму заплатил, на следующий день уже бумаги в посольство сдавал. Ребят своих разогнал в отпуска, все равно денежных тем у нас, кроме рынка электроэнергии, не было, а там тоже как раз все в отпуска до сентября убежали. Заместителя назначил. Для поездки завел на всякий случай аж три долларовые карточки в разных банках... С нашими банками – нелишнее. В очередной раз появился повод удивиться нашей дикости. Во всем мире карточки выдают кредитные. И зарабатывают на этом. И только у нас – дебетовые, да еще и с неснижаемым остатком²⁸, эхх...

Через неделю снова пришлось в Москву лететь, получать визу. Подумал и решил оставшиеся до вылета несколько дней в Москве побыть. Заодно начал суточный ритм перестраивать. Ложился специально попозже, вставал к обеду, день гулял по городу, вечерами сидел в баре, болтал с иностранцами, практиковался в английском.

Очень удивляли местные цены. В Карелии я как-то привык больше пары-тройки тысяч рублей в кармане не иметь. И хватало. А тут они улетали просто моментально. Карточки же нигде не принимали. Вообще нигде! Даже в «России», где полно иностранцев и где просто обязаны принимать

²⁸ Авторы знают, что сейчас ситуация изменилась. И банки всю выдают кредитные карточки. Но тогда было так.

карточки, я наткнулся на объявление: «Извините, прием карточек временно невозможен».

Так что то и дело приходилось искать банкоматы...»

Москва, бар гостиницы «Россия», 5 августа 2001 года, понедельник, третий час ночи

– Урри! Встрехнем!

– Вздогнем, Стив! – Я вздохнул, но поднял свою рюмку.

Стив, сорокалетний австралиец, очень полюбил русский обычай тостов. И отказывался пить без них. А без выпивки он отказывался общаться. Я же не видел повода терять такого общительного собеседника. Тем более что кроме нас со Стивом в баре остался лишь один грузин, во всю ивановскую угощавший парочку путан. К счастью, остальные «ночные бабочки» поняли, что тут им не светит, и куда-то разбрелись, не мешая мне общаться со Стивом.

– С девушкой отдохнуть не желаете, молодые люди? – тут же раздалось сзади. Ну вот, сглазил! Какая-то новая подкралась.

– Нет, не желаем... – начал было я, но тут Стив остановил меня:

– Урри, stop talking! She is the very nice girl!²⁹

Красивая, ха! Ноги кривые, грудь, как арбуз... Просто выпил Стив столько, что внешность роли не играла. В общем, не прошло и пары минут, как он увел эту мымру наверх. Немного погодя, видимо решившись, грузин тоже поднялся в номер с одной из «красоток». Ну вот! И что мне теперь делать? Не спать же! Столько времени «смещал» себе график с московского на время Нью-Йорка хотя бы, а прямо перед поездкой – обратно верну? Нет уж! Может, кофе заказать?

– Двойной эспresso, пожалуйста!

К моему удивлению, принес кофе не бармен, а оставшаяся «ночная фея».

– Не возражаешь, если тут посижу? – спросила она. – А то до метро еще долго, заняться нечем. Да и ты, я вижу, никуда не спешишь. Как раз время и скоротаем.

– Ну и о чем будем говорить? – саркастически спросил я.

– Да о чем хочешь! – беззаботно ответила она. – Хочешь, можешь и со мной в английском попрактиковаться. У меня акцент абсолютно точно не сильнее, чем у этого ozzy³⁰, с которым ты болтал.

– Оззи?³¹ Разве он из ГДР?

– ГДР, парень, нет уже десяток лет! – весело сказала она. – Где ты их проспал? Ну а в остальном... Австралийцев тоже зовут ozzy, не только восточных немцев. Почему так схоже, честно скажу, сама не знаю. Но по мне, так австралийцы прикольнее.

– Больше платят, что ли?

– А хоть бы и так! Не твой же хлеб отбиваю, верно? Чего ж тогда «быкуешь»?

– Ладно, извини. Как звать-то тебя?

– Ланой зови. Сам-то куда летишь? И как к тебе прикажешь обращаться?

– Юра. А лечу... – тут сердце вдруг сбойнуло, и вышла какая-то торжественная пауза, – лечу в Штаты!

– Чего так торжественно-то? Первый раз, что ли?

Я смутился. Действительно, вышло излишне пафосно. А с чего вдруг? Ведь в этом нет ничего особенного. Рядовое событие. Знакомство не с чудом каким-то, а нормальной жизнью. Именно что – с нормальной! И пафос тут неуместен. Пришлось оправдываться:

– Да нет, сделка просто интересная светит. Да и вообще – новый уровень работы. Международный. Вот и волнуюсь...

²⁹ «Юрий, замолчи! Она очень красивая девушка!» (англ.).

³⁰ Прозвище австралийцев.

³¹ Восточных немцев принято звать «осси» или «оззи», что созвучно.

– И зря! – Лана снова улыбнулась и продолжила: – Ты, Юра, мне поверь! Все у тебя нормально будет! У меня глаз на людей верный.

Слышать такое было приятно, и я поневоле посмотрел на нее с приязнью. Хм. А ведь и ничего так из себя. Может...

– Слушай, а давай и правда пойдем ко мне. Часика два у меня точно еще найдется... Выпивку брать?

– Если мне – то ром, лед и колу. По раздельности. Сама смешаю.

Я послушно пошел к бару и взял все перечисленное на двоих. В номере Лана скинула обувь и начала колдовать с напитком, видимо, добиваясь неведомых мне нюансов вкуса. Ни дать ни взять – заправский бармен.

– Слушай, а если у тебя так с языком хорошо, что ж ты сама в Штаты не поедешь? Там жизнь-то всяко лучше!

– А это, Юра, смотря кому. Другая бы наврала, что ее мама тут держит больная или дочка там маленькая... Да и я в другой раз наврала бы. Но сейчас мне просто лениво сочинять. Потому просто скажу: там я только тем же самым могла бы заняться. Только классом пониже. Обслуживала бы шоферов у дороги...

– Это почему же? – напрягся я. Все эти рассказы про несчастную жизнь наших эмигрантов меня уже начали доставать. Есть, конечно, есть те, кому и в раю будет плохо. А есть просто те, кто пальцем пошевелить не готов, чтобы жизнь свою улучшить. Но обвиняют они в своих бедах отчего-то не себя, а страну, которая их приютила. И, между прочим, кормит, пока они «ищут свой путь».

– Да потому, Юра, что жизнь человеку не страна определяет, – неожиданно подтвердила она мои мысли, – язык знать мало, еще вкалывать надо. Но если руками вкалывать, то я здесь больше имею. А головой работать – лениво мне.

Я помолчал. Не хотелось спорить. Женщины у меня не было давно, а она своей простотой чем-то напоминала Иришку.

– Иди сюда! – позвал я ее. – Два часа – это не долго!

Хотя, мысленно спохватился я полчасика спустя, вышло как раз долго. И – неожиданно бурно.

Лана умчалась в душ, а потом снова стала готовить свой коктейль. А я снова любовался ею. И – поневоле вернулся мыслями к ее словам про эмигрантскую долю.

– Вот ты говоришь, от человека самого многое зависит! Правильно говоришь, my darling!³² Только это не вся правда! От страны тоже зависит многое. Страна должна обеспечить человеку возможность спокойно ходить по улице, не боясь, что ограбят. Возможность жить и работать, невзирая на расу или национальность. Тем, кем он может! И чтобы бандиты от закона прятались, а не свои законы всем устанавливали – тоже дело страны. И чтобы бизнес свой мог открыть кто угодно, а не только тот, кто с чиновничьей крышей договорился. Видишь, сколько от страны зависит? Вот потому я туда и лечу. Что здесь все это я имею с трудом и вопреки власти. А вот там... Там такие, как я, это получают легко! И даже я могу туда приехать и устроиться! Потому что эту страну создали эмигранты, понятно? И потому что в ней свобода бизнеса – основа основ. Только работай, старайся, и все получится...

Я замялся, не зная, что еще сказать. Но девушка пришла мне на помощь:

– Хороший тост получился! Наливай, выпьем за него! Я тебе уже сказала, у меня глаз верный. Все у тебя получится, все нормально будет! За твою мечту! Чтобы сбылась побыстрее!

– Ну! За сбычу мечт! – присоединился я.

Нью-Йорк, 1 августа 2001 года, среда, день

– Wow! Круто-то как!!!

³² «Моя дорогая» (англ.).

Это было нереально! Нет, это вовсе не походило на сон. Притом что Нью-Йорк оправдывал все ожидания, реальные события были чуть другими. С привкусом реальной жизни.

К примеру, таксист, который вез меня из аэропорта Кеннеди в отель, оказался типом угрюмым и неразговорчивым. Да и в пробках пришлось немного постоять, что меня сильно нервировало. Обидно было терять на это время. Но зато ритм Манхэттена, ритм современной Америки чувствовался даже из салона такси. Голова от обилия впечатлений шла кругом. К тому же, в отличие от нашей отсталости, здесь можно было расплатиться кредиткой даже за такси. И за отель. И за обед. И за экскурсию к статуе Свободы. Так что наличных баксов я так и не снял.

Хотя выбранный мной отель Holiday Inn Express вполне соответствовал уровню три звезды (приемлемо, но без лишней роскоши), номера в нем стоили на все четыре. Впрочем, знал, на что иду. Зато – Уолл-стрит. И всего километр до фондовой биржи. Пешком можно дойти до пристани, откуда к статуе Свободы катера отправляются.

Что я и решил сделать. Музеи меня подождут. А вот эти два символа Соединенных Штатов – нет. Почему два? Да потому, что я обязательно решил посетить еще и Ellis Island³³.

Однако оказалось, что похожую программу имел не я один. Хотя я заказал и оплатил билеты на экскурсию заранее, по Интернету, тем не менее, оказалось, что это не избавляет от стояния в очереди. До Battery Park, откуда отправлялись паромы, я добрался за целых пятнадцать минут до отправления последнего парома. И вот там-то и выяснилось, что я – лох. Лох конкретный, волосатый. Не учел, что Америка – не Россия и тут никто людей за убогих не считает. Сами должны думать. А я не подумал. Не учел, что, хотя билет до Ellis Island у меня был, но вот последний паром, который отправлялся в половине четвертого, как выяснилось, на этот остров уже не идет. Так что я – в пролете. Но это еще полбеда. А настоящая беда была в том, что не я один на символы самой свободной и передовой страны мира посмотреть хочу. Так что билет-то у меня был. Но передо мной была очередь такой длины, что надежды попасть на этот последний паром не оставалось³⁴.

В очереди я стоять не стал. Смысла не видел. Отошел в сторону и попытался скорректировать планы.

– Хей, бро! – раздался сзади тихий голос. Обернувшись, увидел классический персонаж «толстого негра», растиражированный Голливудом.

– Тихо! – предупредил он, – не дергайся! Что, на экскурсию не успел?

– Да! – уровень моего английского не позволял ответить так цветасто, как хотелось.

– Не переживай, бро! В «Большом яблоке»³⁵ народ гостеприимный. И деловой. Заплатишь полтинник, чтобы я решил тебе проблему? Попадешь на паром и посмотришь на остров.

Думать пришлось быстро. Отказываться глупо. С другой стороны, глупо и соглашаться, преступность-то здесь есть, и немалая. Причем негры составляют значительную часть криминального сообщества.

– Поехали, но у меня только кредитка. Да и на той всего сотня баксов, – подумав, сформулировал я ответ.

– Бро! Я же сказал, решу проблему за полтинник. И кэш не обязательно. Платить ты будешь за такси, а там аппарат для карточек есть. Ну что, поехали?

– Поехали! – согласился я. А что еще мне оставалось делать?

³³ Небольшой островок рядом с островом Свободы, на котором и находится статуя Свободы. Входит в состав монумента статуи Свободы и находится неподалеку от нее. Знаменит, как «ворота для эмигрантов», действовал с 1892 по 1954 год, пропустил более 12 млн эмигрантов.

³⁴ Авторы знают, что на самом деле Воронцову как купившему билет через Интернет, был положен проход через отдельный вход и вне очереди. Но он вполне мог не разобраться. С приезжими это частенько случается, особенно в чужой стране и в крупном городе.

³⁵ «Большое яблоко» – прозвище Нью-Йорка.

В начале поездки он пытался отвлечь меня разговором, но я был полон мрачных предчувствий и не поддавался. Впрочем, длилось это недолго. Поездка была короткой и никак не могла стоить пятьдесят долларов, но чек, который он мне выдал, был именно на такую сумму.

– Пошли, бро, не сомневайся, я часто так приезжих выручаю! – вещал он, продвигая меня куда-то вперед. – Вы все к компаниям обращаетесь, а там одни жулики. Они с тебя и за экскурсию денег возьмут, и за паром... А отсюда, из South Ferry, паром бесплатный. Идет до самого Staten Island, от статуи Свободы всего в сотне-другой ярдов пройдете, так что насмотришься. Да еще и обратно когда пойдешь – тоже посмотришь.

– Так с экскурсией ты меня надул, получается? – спокойно спросил я. Возмущаться что-то не тянуло.

– Как это так «надул», бро? Все по-честному. Что я обещал, то ты и получаешь! Обещал я, что на паром попадешь, вот, пожалуйста, тебе паром. Причем денег платить не надо, оцени! Обещал, что статую Свободы ты увидишь, так и это будет. Увидишь, совсем вблизи, и даже дважды, так что я деньги честно отработал! – с этими словами он повернулся ко мне своей необъятной кормой, и, уже удаляясь, весело прогудел:

– Пока, бро! Have a nice day!³⁶

Паром был достаточно велик. Кроме меня на нем нашлось еще несколько группочек туристов, которым, похоже, тоже подсказали этот способ посмотреть на символ Нью-Йорка поближе. Ясно было слышно немцев, выделялась группа вездесущих японцев с фотоаппаратами, были и китайцы с поляками... И все они во весь голос делились впечатлениями! Так что хотя паром и не был заполнен, как тот, штатный, голова у меня ощутимо трещала.

Затем все наладилось. Воды Гудзона были спокойными, мотор парома негромко рокотал, солнце уже не припекало. Мы прошли по Гудзону мимо острова Эллис (впрочем, там смотреть со стороны особо не на что) и постепенно приближались к статуе Свободы...

Когда до берега острова Свободы оставалась сотня-другая метров, как и обещал негр-пройдоха, японцы с китайцами стали щелкать фотоаппаратами. А мне было не до того. Даже мобилу из борсетки не достал, чтобы сфотографировать, хотя камера у меня там была, и довольно приличная. Не до того мне было. Я впитывал этот момент в себя.

Тут-то все и произошло!

В фильмах отчего-то любят роковые события и аварии изображать ночной порой, чаще в грозу, в шторм или проливной дождь, и почти обязательно – в каком-нибудь захолустном и таинственном местечке. У меня все было не так: яркий солнечный день, насквозь деловой Нью-Йорк, устье Гудзона, исхоженное миллионами судов и на глазах миллионов людей.

Началось все, как при полном солнечном затмении. Два года назад такое было. Я даже плюнул на свою антипатию к молдаванам и румынам, да слетал в Бухарест, чтобы посмотреть. Вот сейчас было очень похоже! Свет стал меркнуть, стал каким-то немного нереальным... кроме того, постепенно глохли звуки... Несколько ударов сердца – и наступила полная тишина.

С востока с невероятной быстротой напозала какая-то черная туча. Оглядевшись по сторонам, я понял, что затихли не только звуки, замерло все вокруг меня – волны, корабли, люди...

Борсетка тоже зависла в воздухе, причем ручка ее замерла в совершенно неестественном положении – свободная, не натянутая, но почти горизонтально. При попытке стронуть ее осталось впечатление, что тащу цепь, прикрепленную к скале, – ремень, удерживаемый в моей руке, шевелится, а вот борсетка – нет.

Мелькнула шальная мысль, что в Голливуде так изображают остановку времени для главного героя. Странно, но на меня внезапно снизошло спокойствие. А может, меня просто

³⁶ «Хорошего дня!» (англ.).

«переключило». Вместо потрясения происходящим осталась сухая и прагматичная готовность бороться за свою жизнь. Я стоял и спокойно ждал развития событий.

Однако действительность превзошла все ожидания. Вдруг ударила молния. Затем еще одна. И снова, все чаще. Наконец одна из них ударила совсем близко, так что меня, похоже, контузило. Немного покрутив головой, заметил еще одну странность: все вокруг как-то призрачно светится.

Впрочем, насчет того, что «все замерло», я поспешил судить. Туча, наползавшая с востока, продолжала двигаться. По мере приближения цвет ее менялся, и она обернулась зеленовато-черным туманом. По мере приближения тот все замедлялся. Или я еще больше ускорился, не знаю. Все относительно.

Свечение тумана было нехорошее, мертвецки-зеленоватое. Таким обычно всякую нежить в фильмах раскрашивают.

Мне трудно рассказать, что было дальше. Наверное, если бы собаки умели говорить, они точно так же затруднились бы рассказать, почему их пугает ранее никогда не слышанный рык льва. Или совершенно незнакомое шипение змеи. Или откуда они знают, что будет землетрясение, и почему нервничают, если ни разу не переживали его. Так и я не могу объяснить, откуда ко мне пришло четкое, хрустально-ясное осознание, что если эта призрачная зелень коснется меня, то я умру. Нет, даже не умру, а исчезну. Меня не будет больше в этом мире. Причем именно меня, я так же абсолютно был убежден, что те, для кого время остановилось, ничем не рисковали. И, помнится, тоскливо им позавидовал. Наверное, это знание, шло откуда-то из генной памяти, не знаю.

По мере приближения цвет тумана продолжал меняться. Чернота из него исчезла совершенно, он не только зеленел, но и становился прозрачнее. Когда расстояние сократилось метров до тридцати начало становиться прозрачным и море. Тревога все сильнее охватывала меня, но я не понимал, как можно уйти от этого тумана.

Когда до тумана осталось метров пятнадцать, в этой мерцающей прозрачности моря мне удалось разглядеть рыбу. Так вот – рыба тоже стала прозрачной. Сквозь чешую виден был костяк. Не знаю почему, но приближение этой «зоны призрачного рентгена» испугало меня еще сильнее. Испугало настолько, что я сиганул за борт и... побежал. Да, именно побежал. Вода под ногами лишь слегка пружинила, но в целом бежалось, как по тепловому асфальту. Если бы, конечно, нашелся оригинал, который откатал бы асфальт в виде морских волн.

Первый рывок позволил отбежать от мерцания метров на сорок. А потом вдруг накрыло удушье. В этом странном, измененном мире воздух, казалось, тянулся, как сироп. И был куда беднее кислородом. Скорость бега упала сама собой, и я тут же начал увязать в том желе, в которое превратилась вода подо мной. Пришлось собраться, вырваться из «желе» и продолжить бег по волнам, одновременно сосредоточившись на дыхании. Скорость упала, а мерцание, казалось, напротив, поднажало.

Субъективно этот безумный бег продолжался долго. Очень долго. Поэтому я вяло удивился, когда впереди показался остров Эллис. Ведь от него мы отошли совсем чуть-чуть. Однако мне казалось, что я бегу уже вечность.

И вдруг понял, что угодил в ловушку. Сзади меня подпирала смертельная стена зеленого тумана, а впереди и по бокам виднелась высокая стена набережной. Она была не слишком высока, но запрыгнуть на нее я не смогу. И не смог бы даже в те времена, когда был на пике формы. Больше того, думаю, что запрыгнуть на него не смог бы и чемпион мира по прыжкам в высоту. Хотя, если с шестом...

Почти физическим усилием заставил себя не паниковать и изгнать из головы дурацкие мысли. Не может быть, чтобы выхода не нашлось. Но времени на поиск почти не оставалось, проклятый туман все приближался, я чувствовал это затылком.

С хриплым криком, теряя остатки кислорода в крови, я рванул вперед, только немного наискосок. Там стоял какой-то пароходик с низкой кормой, на которую к тому же в «миг остановки мира» как раз плеснула волна. Подъем на эту волну довел ощущение нереальности происходящего до градуса полного абсурда. Я, казалось, одновременно и несея быстрее пули, и полз, задыхаясь и хрипя, продирая пружинящую поверхность под ногами.

Но одно остается несомненным: с каждым дециметром подъема на волну скорость моя все уменьшалась, и в момент, когда я достиг вершины, я, казалось, замер, как и все остальные. В этот момент лопнул браслет на руке, и часы исчезли где-то там... Долгий, бесконечно долгий миг ужаса, и вот – я делаю шаг на корму пароходика. Шаг, другой, третий...

Потом я обернулся, увидел, что мерцание ползет за мной всего лишь в паре шагов, и, уже не оборачиваясь больше, снова рванул вперед, уже не пытаюсь дышать, на остатках кислорода. Хватило их метров на пятнадцать-двадцать, как я потом оценил. Как раз, чтобы вдоль борта, а кое-где – и по ограждению палубы добежать до сходней и буквально спрыгнуть по ним на берег острова Эллис.

Тут в глазах потемнело, и я вырубился. Однако, прежде чем рухнуть на землю, я осознал, что выбежал из этой «зоны неподвижности». Дул ветер, слышны были звуки порта, и по луже, в которую падало мое лицо, пробегала рябь...

Пришел в себя я от деликатного похлопывания по плечу и слегка насмешливых слов:

– Эй, парень, я понимаю, что в своей вонючей Европе ты мечтал о земле Америки! Но целовать землю все же лишнее. Поверь, тебя здесь примут не за это! Эй, вы двое! Да, вам говорю, обломы ирландские! А ну, помогите парню подняться! И тащите его вон туда. Времени нет, через двадцать минут следующая партия пойдет. К медикам его тащите. Это вон туда. Заодно и проверят, не припадочный ли! И остальных тоже касается! Не стоим, не стоим, марш за ними! Ярлыки не теряем!³⁷

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, час ночи

А вот описание «перехода» Алексею понравилось. Вроде бы ничего похожего он ранее не читал и в фильмах не видел. Хотя... Ну да, «Филадельфийский эксперимент». Там тоже было свечение, замерший мир и путешествие во времени. Правда, не назад, а вперед, но это уже не важно.

Нет, это все воспринималось именно как начало фантастического романа. И никак иначе. Но роман был хорош. Мощный старик был Американец, ничего не скажешь.

³⁷ В 1895 году иммигрантов, прибывавших первым и вторым классами, досматривали прямо на пароходе. Однако третий класс и показавшихся подозрительными сжали на паромы и везли на остров Эллис. Для упрощения контроля еще на пароходе всех переписывали и вешали на одежду ярлык с обозначением судна, на котором прибыл данный иммигрант. «Зайцев» и подозрительных приравнивали к обычным пассажирам, но проверяли особо тщательно.

Глава 2

«Жестокость вашего крутого нрава»

38

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, час ночи

За творческую находку предка стоило выпить, так что Алексей снова сходил к бару и плеснул себе немного «Шустовского».

Коньяк согрел язык, теплой волной прошел по пищеводу. Сама собой родилась улыбка. Повествование предка так захватило его, что на какое-то время он позабыл о своих неприятностях. Ну что там дальше?

³⁸ Часть литературного перевода сонета Эммы Лазарус «Новый колосс», выгравированного на статуе Свободы. Полный текст, в оригинале и многочисленных переводах, можно найти в Сети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.